

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WID-LC

LC

746

. R8

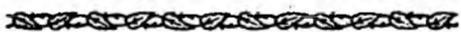
B72x

HD WIDENER

HW EZ27 H

W 10-20
LC
746
.R8
B72y

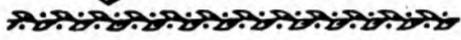
שלום על ישראל

FROM THE INCOME
OF THE BEQUEST OF
LEE M.
FRIEDMAN '93

Harvard College
Library

WID-LC
LC
746
.R8
B72x

ИСТОРИИ НАЧАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Л. М. Брамсона.

Завѣдывающаго С.-Петербургскими училищами Общества Распростра-
ненія Просвѣщенія между евреями въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Больш. Театра, 2.
1896.

WID-LC
LC
746
.R8
B72x
✓

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 16-го Апрѣля 1896 г.

Friedman

9031
67

КЪ ИСТОРИИ НАЧАЛНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ЕвРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Къ исторіи начального образованія евреевъ въ Россіи.

Воздѣйствіе государства на воспитаніе евреевъ, въ видѣ попеченія объ открытіи имъ доступа въ общія учебныя заведенія, устройства для нихъ специальныхъ училищъ и урегулированія ихъ домашняго обученія, стало проявляться въ Европѣ только со середины прошлаго столѣтія. До того времени евреи въ отношеніи воспитанія и обученія юношества были предоставлены сами себѣ; европейскія правительства, европейскіе ученые и педагоги совершенно игнорировали эту сторону еврейской жизни.

Такое положеніе вещей и привело къ тому, что *примитивныя формы обученія*, которыя у другихъ народовъ, благодаря активной роли государства въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія, давно сошли со сцены, у евреевъ сохранились гораздо дольше, чѣмъ того могли требовать культурные интересы народа. Нисколько не видоизмѣняясь съ теченіемъ времени, не совершенствуясь, эти формы обученія выродились въ нѣчто крайне несообразное, накладывали особую печать на весь ходъ умственнаго развитія подростящихъ поколѣній, создали классъ учителей-рутинеровъ и—что было всего печальнѣе—получили въ глазахъ массы санкцію традиціоннаго, освященнаго временемъ института. Система эта была господствующей у евреевъ всѣхъ странъ до конца прошлаго столѣтія.

Но время дѣлаетъ свое. Настала эпоха эмансипаціи. Въ Западной Европѣ евреи,—отчасти по инициативѣ государства, отчасти по собственному побужденію,—начинаютъ отказываться отъ старинной системы воспитанія и обращаются къ культурнымъ приемамъ Запада. Въ Россіи текущее столѣтіе началось для

евреевъ законодательнымъ актомъ, въ которомъ просвѣщеніе и привлеченіе въ школы выдвигается какъ одна изъ первыхъ задачъ по измѣненію ихъ быта (Положеніе 1804 года ¹⁾). Правительство, какъ извѣстно, издало цѣлый рядъ узаконеній, посвященныхъ образованію евреевъ, и учредило для нихъ сѣть школъ. За этой *второю* стадіею скоро послѣдовала *третья*, такъ какъ наряду съ творцами Положенія 1804 года и представителями учебнаго вѣдомства, о правильной постановкѣ начальнаго образованія стали въ болѣе значительной степени заботиться и сами евреи.

Соотвѣтственно со сказаннымъ, исторію постепеннаго развитія начальнаго образованія у русскихъ евреевъ можно раздѣлить на три періода: 1) до начала царствованія Александра I, когда еще ни о какомъ организованномъ воздѣйствіи на народную школу—за исключеніемъ немногихъ попытокъ—не было рѣчи; 2) эпоха царствованія Александра I и Николая I (1801—1855), когда исторія образованія евреевъ—есть преимущественно исторія правительственныхъ мѣропріятій и только въ незначительной мѣрѣ исторія общественной самодѣятельности; наконецъ, 3) царствованіе Александра II и Александра III (1855—1893), когда сочувствіе къ образованію проникаетъ въ болѣе широкіе круги еврейскаго населенія, когда къ начальному обученію и воспитанію начинаютъ предъявляться сознательныя требованія и общество принимаетъ значительное активное участіе въ организаціи школъ и обнаруживаетъ серьезный интересъ къ нимъ. Послѣдующее изложеніе подтвердитъ правильность указаннаго сейчасъ дѣленія.

I.

Обратимся къ обзорѣнію перваго изъ намѣченныхъ нами періодовъ. Начало его слѣдуетъ считать, очевидно, съ того времени, когда евреи впервые появились на территоріи современной Россіи. Наиболѣе достовѣрными свидѣтельствами о моментѣ этого появленія признаются, какъ извѣстно, найденныя на южномъ берегу Крыма у древней Пантикалеи, въ

¹⁾ В. П. С. З., т. XXVIII, № 1457.

Анаѣ и другихъ мѣстахъ греческія надписи, говорящія о пребываніи евреевъ въ I—II в. по Р. Х. ¹⁾. Правда, эти надписи не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о начальномъ образованіи евреевъ того времени, но косвеннымъ образомъ онѣ даютъ любопытное въ историко-культурномъ отношеніи указаніе, что уже въ то отдаленное время палестинскіе выходцы, еще сравнительно недавно покинувшіе старую родину, усвоили не только языкъ ²⁾ окружающаго населенія новой страны, но заимствовали даже у нихъ обычаи (освобожденіе невольниковъ и посвященіе ихъ храму). Фактъ довольно знаменательный на зарѣ исторіи евреевъ въ Россіи. Можно, стало быть, съ нѣкоторою вѣроятностью допустить, что и разговорнымъ языкомъ, на которомъ эти первые еврейскіе поселенцы учили своихъ дѣтей произносить первые звуки, былъ языкъ окружающаго населенія—языкъ греческій; что молодежь, подобно взрослымъ, не стояла вдали отъ культуры греческихъ колонистовъ ³⁾, а воспитывалась подъ непосредственнымъ воздействиемъ этой культуры. Другія историческія данныя перваго тысячелѣтія пребыванія евреевъ въ Россіи,—какъ-то свидѣтельства армянскихъ, грузинскихъ и арабскихъ историковъ, вскользь брошенныя замѣчанія греческихъ писателей, отдѣльныя мѣста древней русской лѣтописи и упоминанія о русскихъ евреяхъ въ средневѣковыхъ путешествіяхъ,—все это также не даетъ фактовъ, прямо относящихся къ исторіи начального воспитанія. Но значеніе этихъ историческихъ данныхъ для интересующаго насъ вопроса заключается въ томъ, что они содержатъ нѣкоторый, правда, скудный и отрывочный матеріалъ по вопросу о языкѣ ⁴⁾ евреевъ, жившихъ въ то время въ Кіевѣ и Крыму, въ древней Хазаріи, на Кавказѣ о культурномъ взаимодействіи

¹⁾ М. А. Levy, Epigraphische Beiträge zur Geschichte der Juden, Jahrbuch f. Geschichte der Juden u. des Judenthums 1861, стр. 273—274, 298—302; Ашикъ, Воспорское царство, ч. I, стр. 80, 92—94; А. Гаркави, Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руск. Спб. 1865, стр. 43 и слѣд.

²⁾ Гаркави, Объ языкѣ евреевъ стр. 3—5.

³⁾ Ср. Гаркави, стр. 49.

⁴⁾ Гаркави, стр. 5; „Риж. В.“ 1873, 156 (ст. А. Пумпянскаго).

между евреями и окружающими народностями ¹⁾; о примѣрахъ *устойчивости евреевъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ* ²⁾, которые они давали своимъ дѣтямъ,—т. е. о фактахъ небезынтересныхъ для вопроса о воспитаніи, однако не дающихъ еще представленія о томъ, какъ оно было поставлено. Отчасти намъ могутъ помочь въ этомъ отношеніи изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ (Гидемана, Греца, Юста, Шейнгауза, Страсбургера и др.) по тому же вопросу въ другихъ странахъ. Изслѣдованія эти говорятъ о томъ, что въ мѣстахъ своего новаго поселенія евреи усердно продолжали дѣло обученія въ томъ видѣ, какъ оно въ послѣднее время установилось въ Палестинѣ; обученіе дѣтей, согласно воззрѣніямъ талмудистовъ, особенно амореевъ, считалось завѣтнымъ священнымъ долгомъ, предметомъ не только личныхъ, но и общественныхъ заботъ. Обучали преимущественно Пятикнижію и Мишнѣ, нерѣдко сами родители дѣтей; тогдашніе учителя были еще далеки отъ рутины, это были преподаватели по призванію, передававшіе знаніе въ болѣе живыхъ, незастывшихъ формахъ,—и что въ особенности интересно,—изъясняшіеся со своими учениками на мѣстномъ языкѣ, въ Египтѣ и Греціи—по гречески, среди мавровъ—по арабски и т. д. Такъ говорятъ—повторяемъ—иностранные изслѣдователи, при томъ о евреяхъ другихъ земель. Въ нашихъ источникахъ нѣкоторыми косвенными указаніями на то, что напр. въ XI—XII в. существовали на Руси свѣдущіе въ библейской и раввинской письменности евреи и хорошіе начетчики, могутъ отчасти служить такіа свѣдѣнія, какъ рассказы о сношеніяхъ хозарскихъ евреевъ съ славянскими первоучителями; напр. о Кириллѣ рассказывается, что, проѣзжая чрезъ Корсунь, онъ много бесѣдовалъ съ мѣстными еврейскими учителями ³⁾; далѣе, сообщенія памятниковъ древнерусской письменности о богословскихъ спорахъ Ѳеодосія Печерскаго съ кievскими евреями (см. «Житія

¹⁾ Труды Моск. Археол. Общ. 1880, прил. стр. 100; Разсвѣтъ 1880, № 9—12; 1881, 1—3, (ст. А. Я. Гарькави); Садагеловъ, Иудеи въ Иверіи,—Пастырѣ древней 1888, 1 и 2.

²⁾ Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, въ перев. И. О. Эмина, М, 1893, стр. 36—37, 67—83; Лѣтопись по Ипатьевскому списку. Спб. 1871, стр. 57.

³⁾ Житіе Константина Философова, изд. О. Бодянскимъ въ Чт. общества ист. и древностей рос., 1863, кн. II, стр. 11.

Святыхъ»), о полемикѣ съ ними же митрополита Иллариона ¹⁾, и др.

Съ XI—XII вѣка открывается новая полоса въ исторіи русскихъ евреевъ—исторія евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, болѣе богатая источниками, чѣмъ только что прошедшій предъ нами древній періодъ исторіи евреевъ въ Россіи. Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій проф. Бершадскаго, Нусбаума и отчасти въ свое время—д-ра Гаркави, едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно того, что значительная часть жившихъ здѣсь евреевъ была происхожденія не западнаго, т. е. явилась не изъ Германіи, Голландіи и другихъ европейскихъ странъ, а съ юга Россіи, съ того юга, гдѣ осѣдлость ихъ датируетъ еще—какъ мы видѣли—съ начала христіанской эры, гдѣ они были такими же автохтонами, какъ переселившійся сюда впоследствии народы славянскаго и тюркскаго происхожденія. Обстоятельство это важно для насъ въ томъ отношеніи, что нѣсколько освѣщаетъ вопросъ о *языкѣ*, на которомъ происходило обученіе. Интересно, что когда южно-русскіе евреи очутились подъ польскимъ владычествомъ и столкнулись со своими собратьями изъ Германіи и другихъ странъ, они уже—какъ полагаетъ, напр. д-ръ А. Я. Гаркави въ своемъ спеціальному изслѣдованіи по этому предмету,—говорили *по-русски* ²⁾ и вводили даже славянскія слова въ свою письменность. Правда, нѣтъ данныхъ для утвержденія, что и начальное обученіе происходило по-русски или по-польски, но существуютъ извѣстія, окончательно, впрочемъ, еще не подтвержденныя, что даже богослуженіе у польскихъ евреевъ совершалось въ прежнее время на польскомъ языкѣ ³⁾. Еслибъ фактъ этотъ былъ вполне установленъ (къ сожалѣнію, всѣ попытки, сдѣланныя нами для выясненія этого любопытнаго вопроса, были безуспѣшны), то не подлежало бы

¹⁾ Читенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 г.: „Слово о заковѣ, Моисеемъ данномъ“.

²⁾ Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, Спб. 1865, стр. 19; ср. также Примѣчанія М. Страшуна къ книгѣ С. Финна: *plum p̄ur*, Вильна 1860, стр. 299 и слѣд.

³⁾ И. В. Левинзонъ, *жизнь и труды*, изд. Б. Натансона; замѣчанія по этому поводу у Гаркави, стр. 10—11.

никакому сомнѣнію, что и обученіе молитвамъ, объясненіе Библии происходило на славянскомъ нарѣчїи. Какъ бы то ни было, нужно думать, вмѣстѣ съ изслѣдователемъ этого вопроса, И. В. Левинзономъ, что говорившіе на славянскомъ нарѣчїи евреи стояли на очень низкой степени духовнаго развитія, и ни языкъ ихъ, ни весь обиходъ домашней жизни не устоялъ предъ германскимъ вліяніемъ, когда наплывъ евреевъ Голландїи, Франціи, Испанїи и особенно Германїи сталъ болѣе усиливаться. Фактъ тотъ, что языкъ германскихъ евреевъ дѣлался все болѣе и болѣе господствующимъ, — сначала еще въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, лишь съ нѣкоторою примѣсью испанскихъ, итальянскихъ и голландскихъ словъ впоследствии когда онъ принялъ въ себя массу славянскихъ словъ и выродился въ тотъ знакомый нашему уху діалектъ, который именуется «жаргономъ». Такимъ образомъ, тѣ самые германскіе евреи, которые въ позднѣйшее время явятся просвѣтителями своихъ русскихъ братьевъ, образцомъ для подражанія, на исходѣ среднихъ вѣковъ несомнѣнно оказали на ходъ просвѣщенія этихъ братьевъ отрицательное вліяніе: *имъ* русскіе евреи обязаны тѣмъ жалкимъ суррогатомъ языка, который — какъ показали послѣдующіе вѣка — наложилъ такую своеобразную печать на складъ рѣчи уроженца западныхъ губерній, на всю его манеру разсуждать и мыслить. Жаргонъ, болѣе чѣмъ что-либо другое, способствовалъ изолированію еврейской массы отъ остальнаго населенія. Жаргонъ чрезвычайно затормозилъ развитіе начальнаго образованія среди русскихъ евреевъ, сдѣлавъ этотъ языкъ необходимою принадлежностью религіознаго обученія, такъ какъ на жаргонѣ уже съ XVI вѣка, несомнѣнно, шло преподаваніе въ хедерѣ, незаслуженно освятившее этотъ діалектъ въ глазахъ массы... Въ этомъ отношеніи исторія евреевъ въ Польшѣ и исторія ихъ разговорнаго языка нѣкоторымъ образомъ предопредѣлили судьбу хедера, тѣсно связавъ вопросъ о жаргонѣ съ вопросомъ о меламдахъ и хедерахъ ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время, какъ извѣстно, хедерное обученіе — это главнымъ образомъ обученіе съ переводомъ священныхъ книгъ на жаргонъ; хедеръ, гдѣ Библия переводится на русскій языкъ (число такихъ хедеровъ теперь крайне незначительно), уже переходная ступень къ правильно организованной школѣ.

Отъ вопроса о *языкъ* преподаванія перейдемъ къ тому, какъ происходило школьное обученіе этого періода,¹ и въ чемъ оно заключалось? Главнымъ матеріаломъ для воспроизведенія картины обученія, кромѣ отрывочныхъ указаній въ различныхъ богословскихъ трактатахъ и респонсахъ, могутъ служить, съ одной стороны, сохранившіяся въ «пинкусахъ» польско-еврейскихъ общинъ записи о порядкѣ обученія; съ другой—дошедшія до насъ воспоминанія современниковъ объ этихъ хедерахъ—какъ изъ среды уроженцевъ края, которые личнымъ опытомъ ознакомились и съ тогдашнимъ хедеромъ и со свойственною послѣднему учебною обстановкою, такъ и пріѣзжихъ путешественниковъ, посѣтившихъ край въ XVII и XVIII в.

Богословскіе трактаты XVI и XVII вѣка рѣдко затрогивали вопросъ объ элементарномъ обученіи: повидимому, самая практика обученія въ хедерахъ на столько установилась—вѣрнѣе сказать, до такой степени застыла въ своихъ первоначальныхъ формахъ,—что не подавала повода къ какимъ-либо спорамъ или недоумѣніямъ, которыя могли бы восходить на усмотрѣніе выдающихся раввиновъ. Общіе теоретическіе вопросы воспитанія и обученія также не пользовались особымъ вниманіемъ раввиновъ. Сравнительно чаще они останавливаются на методахъ изученія Талмуда¹). Любопытно, что многіе выдающіеся корнееи Талмуда, въ томъ числѣ и пользовавшіеся такимъ громаднымъ вліяніемъ среди польскихъ евреевъ р. Соломонъ Лурія, р. Іегуда Леве б. Вецалель изъ Праги, повдѣе Соломонъ б. Эфраимъ Лифшицъ, Гаиръ-Хаимъ-Бахарахъ и др. выступили рѣшительными противниками такъ наз. «пилпуля». Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ былъ особый методъ изслѣдованія талмудическихъ и библейскихъ текстовъ, при которомъ юноши съ дѣтства приучались обращать вниманіе не столько на сущность предмета, сколько на форму выраженія, приучались къ игрѣ словами, къ остроумнымъ внѣшнимъ сопоставленіямъ. Слѣдуя примѣру своихъ учителей, юные талму-

¹) Ст. А. Геллинека: *תורת חכמים* въ сборникѣ: *ש"ס*, годъ I (Вѣна 1864) стр. 1—26 и годъ II (1865), стр. 1—19; ср. также Nussbaum, *Historia Żydów*, Warsz. 1890, стр. 105—107.

дисты старались перещеголять другъ друга въ этихъ безконечныхъ казуистическихъ упражненіяхъ, въ постоянномъ стремленіи создавать кажущіяся противорѣчія, побѣдоносно ихъ разрѣшать и приходять путемъ парадоксовъ къ совершенно неожиданнымъ выводамъ (Chidduschim). Особенно суровому осужденію этотъ методъ, имѣвшій много общаго съ діалектикой средневѣковыхъ схоластиковъ, подвергся со стороны названнаго выше пражскаго раввина р. Леве бенъ-Бецалеля, который почти въ каждомъ своемъ сочиненіи возвращался къ этой темѣ. Въ общемъ, возраженія, выдвигаемыя имъ противъ пилпула и его сторонниковъ, могли бы съ одинаковымъ правомъ быть примѣнены и къ существовавшему до пилпулистовъ методу изученія Талмуда, и къ нѣкоторымъ комментаріямъ на послѣдній. Равнины не хотѣли только заходить такъ далеко. Впрочемъ, тотъ же Леве бенъ-Бецалель, жалуясь въ одномъ мѣстѣ своего известнаго сочиненія «Nethiboth Olam»¹⁾ на тотъ фактъ, что, благодаря излишнимъ утонченнымъ словопреніямъ, отъ юношей остается сокрытымъ внутреннее содержаніе изучаемыхъ книгъ, прибавляетъ, что въ этомъ отношеніи и изученіе Тосфатъ едва ли представляется желательнымъ. Признаніе довольно характерное для благочестиваго польскаго раввина XVII столѣтія.

Пинкусы XVII и XVIII столѣтій знакомятъ насъ съ тѣми попытками внѣшней регламентаціи, о которыхъ намъ приходилось упоминать выше. За регламентаціей этой едва ли можно признавать серьезное значеніе, особенно въ отношеніи наиболѣе интересующихъ насъ литовскихъ и западнорусскихъ общинъ²⁾. Въ печать проникли, напр., относящіеся къ хедерному обученію правила, занесенныя подъ 1741 годомъ на страницы пинкуса Могилева-на-Днѣстрѣ³⁾ и около того же времени въ пинкусѣ г. Дубно⁴⁾. Все, къ чему сводятся указанные правила, это—опредѣленіе, что у элементарнаго учителя

¹⁾ У насъ подъ руками было старинное изданіе этого трактата, напечатанное въ Юзефовѣ (1737 г. V).

²⁾ Многія извлеченія изъ пинкусовъ собраны въ вышедшей недавно книгѣ Л. Шейнгауза *לבוש וליבוש* Краковъ 1895, стр. 82—88. 1895 № 15—16.

³⁾ *פיקוס* 1894 № 254. Сообщ. Менахимъ Литвинскій.

⁴⁾ *פיקוס*, годъ I, стр. 315.

(Dardeke Melamed) число учениковъ не должно превышать 25, а вознагражденіе его 150 злотыхъ, (у учителя же гемары—15 мальч. и 200 злотыхъ); что меламады, подѣ страхомъ взыскація, должны періодически доставлять очередному старостѣ списки учащихся; наконецъ, что родители обязаны аккуратно уплачивать вознагражденіе меламамъ. Но и эти постановленія, представляющія самое обученіе полному произволу меламада и собственно только направленныя противъ чрезмѣрной конкуренціи меламадовъ, какъ видно изъ попадающихся въ пинкусахъ указаній, довольно часто нарушались. Только въ болѣе развитыхъ общинахъ западной Польши регламентація шла дальше, затрогивая и учебную сторону; въ записи краковскаго пинкуса подѣ 1638 годомъ находимъ дѣйствительно рядъ болѣе существенныхъ правилъ: объ обязательности употребленія двухъ комментаріевъ—Раши и Беэръ Моше (לרשׁ װז) ¹⁾, о преподаваніи основъ грамматики и правилъ благонравія (װן ןןן); о томъ, чтобы къ изученію Гемары съ комментаріемъ Раши и Тосфотъ приступали только мальчики, проявившіе особыя способности къ продолженію занятій, а достигшіе 14 лѣтъ и къ Гемарѣ неспособные были отдаваемы въ ремесло или пристроены къ какому-либо другому занятію. За дѣятельностію меламадовъ наблюдало особое общество «Талмудъ-Тора», члены котораго должны были періодически посѣщать всѣ хедеры, наблюдать какъ за тѣмъ, чтобы меламады ревностно относились къ дѣлу преподаванія, такъ и за тѣмъ, чтобы они другъ у друга не переманивали учениковъ, чтобы они обучали своихъ питомцевъ «*общимъ предметамъ*»—чтенію и письму на мѣстномъ языкѣ, а также численію: сложенію, вычитанію, умноженію и дѣленію. Боль-

¹⁾ Книга эта, составленная извѣстнымъ въ свое время издателемъ Моисеемъ Шертономъ, представляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Она была, повидимому, въ большомъ ходу среди польскихъ евреевъ; главари краковской общины рекомендуютъ ее преимущественно потому, что комментаріи изложены въ ней на разговорно-еврейскомъ языкѣ и можно быть увѣреннымъ—замѣчаютъ они—что „мальчики поймутъ все въ этихъ комментаріяхъ“. Одно изъ первыхъ изданій книги въ Прагѣ относится къ 1604—1605 г. и экземпляръ его хранится въ библиотекѣ Азіатскаго музея Академіи Наукъ въ СПБ.; къ книгѣ приложено и любопытное собраніе нравоученій „*Декахъ товъ*“, не имѣвшее однако успѣха: по крайней мѣрѣ, въ слѣдующихъ изданіяхъ לרשׁ װז оно уже больше не встрѣчается.

шинство этихъ правилъ таковы, что еще нынѣ, по прошествіи 250 лѣтъ, составляютъ для современнаго хедера *ria desideria*. Какъ далеки были въ большинствѣ случаевъ отъ такого идеала западно-русскіе хедеры, показываетъ описаніе послѣднихъ, принадлежащее перу человѣка жившаго въ ту же приблизительно эпоху. Мы говоримъ о приложеніи къ извѣстной книгѣ Натана Ганновера ¹⁾. Авторъ отнюдь не критикуетъ этихъ учрежденій; напротивъ, онъ даже не безъ умиленія говоритъ о порядкахъ обученія въ современной ему юго-западной Россіи, но отъ вниманія читателя не можетъ ускользнуть множество темныхъ сторонъ тогдашняго школьнаго дѣла. На производившихся два раза въ недѣлю испытаніяхъ мальчики, имѣвшіе несчастье въ чемъ-либо ошибиться или что-либо не знать, наказывались розгами. Дѣти должны были заниматься безостановочно *по цѣлымъ днямъ*, не смѣли гулять по улицамъ. О преподаваніи грамматики, о предѣльномъ возрастѣ для перехода къ Талмуду, а тѣмъ болѣе объ «общихъ предметахъ» у Ганновера нѣтъ и помину. Очевидно, въ хедерахъ его времени царило одно изученіе Пятикнижія и Талмуда съ безконечными казуистическими толкованіями, и дѣти выходили изъ этихъ школъ безъ знанія языка окружающаго населенія, безъ свѣдѣній объ окружающей природѣ, безъ сознательнаго отношенія къ пройденному въ школѣ и предстоящему въ жизни ²⁾.

¹⁾ Богданъ Хмѣльницкій. Разсказъ еврея современника-очевидца о событіяхъ въ Малороссіи за 1648—1652 годы. Перев. С. Манделькерн, Одесса 1878, стр. 60—62.

²⁾ Нетрудно послѣ этого понять, почему посѣтившему Бѣлоруссію въ 1797 г. Державину пришло на мысль охарактеризовать хедеры польско-русскихъ евреевъ слѣдующимъ образомъ: „Находятся у нихъ училища ихъ вѣрм и воспитанія. Тамъ раббины, наполняясь изступленіемъ древнихъ ихъ талмудовъ или толковниковъ ихъ религіи, преданіевъ, обычаевъ и законовъ, превращаютъ начальныя основанія ихъ чистаго богослуженія и нравственности въ ложныя понятія о справедливости и неправдѣ и вмѣсто общественной, практической добродѣтели поощряютъ простой народъ къ однимъ пустымъ обрядамъ. Дѣтей воспитываютъ съ наивеличайшимъ тщаніемъ относительно только религіи, а *ничему иному не учатъ*... правилъ благоправія не преподають... Доколѣ школы будутъ въ настоящемъ ихъ положеніи, ни малой не предвидится надежды къ перемѣнѣ ихъ нравовъ. (Соч. т. VII, стр. 280—281).

Большинство этих хедеровъ производили удручающее впечатлѣніе, и уже съ половины XVIII вѣка начинаютъ появляться правдивыя описанія хедерной обстановки, — описанія, исходяція отъ лицъ, проведенныхъ въ этой обстановкѣ свое дѣтство, но имѣвшихъ впоследствии возможность ознакомиться съ образовательными учрежденіями въ болѣе культурной средѣ.

Вотъ что пишетъ, напр., о школахъ своего времени извѣстный выходецъ изъ Литвы философъ Соломонъ Маймонъ (1753—1800)¹: «Школа обыкновенно помѣщается въ маленькой дымной избѣ, а дѣти разбѣяны на скамьяхъ и на голомъ полу. Учитель сидитъ на столѣ въ грязной рубахѣ, между ногами держитъ чашу и громадной палкой третъ въ ней табакъ и въ то же время управляетъ дѣтворой. Помощники его упражняются со своими отдѣленіями въ углу и управляютъ своими подчиненными такъ же деспотически, какъ и самъ учитель. Изъ завтраковъ, обѣдовъ и т. д., которые посылались дѣтямъ, этимъ господамъ доставалась большая часть; иногда дѣти бѣдныя даже ничего не получали и должны были молчать, если не хотѣли подвергнуться мести этихъ тирановъ. Въ этихъ-то школахъ дѣти заключены съ утра до вечера и только по пятницамъ и въ первый день каждаго мѣсяца они пополудни освобождаются». Среди меламадовъ попадались люди, совершенно забывавшіе всякое человѣческое достоинство и доходившіе до неистовства. Такъ, братъ Соломона Маймона 12-ти лѣтъ былъ отданъ къ знаменитому учителю р. Йоселю; этотъ меламедъ—пишетъ Маймонъ — «былъ пугаломъ для всѣхъ молодыхъ людей, попасть къ нему было наказаніемъ Божиимъ; онъ обращался со своими подчиненными съ неслыханною жестокостью, сбѣкъ розгами до крови за малѣйшій проступокъ, нерѣдко обрывалъ уши, выбивалъ глаза. И когда послѣ этого родители потерпѣвшаго приходили къ нему и требовали объясненій, то онъ, совершенно не обращая вниманія на личность пришедшихъ, бросалъ въ

¹) Изъ автобіографіи Соломона Маймона—„Евр. Библиотека“, т. I; ср. Hilary Nussbaum, Historyja Żydów, Tom Y, Żydzi w Polsce, Warszawa 1890, стр. 44—45, 104—107 и др.

нихъ каменьями и вообще всѣмъ, что ему попадало въ руки; со своей палкой онъ гнался за ними по улицѣ до самаго ихъ дома. Всѣ тѣ, которые у него обучались — такая шла молва — сдѣлались или идиотами, или великими учеными». Вотъ каковы были воспитатели и обстановка тогдашняго воспитанія.

Что касается предметовъ обученія, то Соломонъ Маймонъ и другіе писатели, — отзывы которыхъ объ ихъ хедерномъ воспитаніи мы здѣсь сгруппировали, ничего отъ себя не прибавляя, — говорятъ о немъ слѣдующее (замѣтьте: говорятъ 120—130, даже 160 лѣтъ тому назадъ).

Чтеніе еврейскаго шрифта, по ихъ мнѣнію, изучалось довольно порядочно, разумѣется съ напѣвомъ. Но преподаваніе еврейскаго языка не удовлетворяло многихъ. Грамматика не проходила систематически. Не было въ употребленіи и словаря еврейскаго языка. Съ дѣтьми начинали тотчасъ съ объясненія Библии; и такъ какъ Пятикнижіе раздѣляется на столько отдѣловъ, сколько въ году недѣль, то каждую недѣлю объяснялось со всевозможными грамматическими ошибками нѣсколько первыхъ стиховъ изъ соотвѣтствующаго отдѣла, — съ ошибками, потому что разговорный языкъ польскихъ евреевъ имѣетъ множество недостатковъ и полонъ, какъ извѣстно, грамматическихъ неправильностей. Естественно, — замѣчаетъ Маймонъ, — что изучаемый при его посредствѣ еврейскій языкъ страдаетъ тѣми же недостатками; ученикъ получаетъ, такимъ образомъ, такое же смутное понятіе о Библии, какъ и о еврейскомъ языкѣ. Далеко не всѣ мелады умѣли ориентироваться въ талмудическихъ объясненіяхъ Библии, совершенно извращали смыслъ библейскихъ стиховъ. Ученики часто повторяли за учителями переводъ библейскихъ и талмудическихъ мѣстъ, ничего не понимая въ читанномъ.

Результаты хедернаго обученія — по словамъ болѣе сознательно относившихся къ дѣлу современниковъ — были таковы, что «выросшее въ этихъ условіяхъ молодое поколѣніе не научалось ни правильно мыслить, ни правильно изъясняться; среди всякаго рода духовныхъ интересовъ оно знало только тѣсный кругъ вопросовъ, связанныхъ съ изучаемыми богословскими памятниками; въ ихъ подавляющее большинство литов-

скихъ евреевъ было совершенно невѣжественно». Такіе отзывы современниковъ о хедерѣ XVIII вѣка.

Правда, что приведенныя сейчасъ выписки представляютъ въ сущности очень мало новаго: въ нихъ повторяются обычные нареканія на современный хедеръ. Но въ настоящій моментъ эти факты имѣютъ для насъ *историческое* документальное значеніе. Даже внѣ всякихъ сравненій и сопоставленій, — судя только по отзывамъ современниковъ той эпохи, — описанное положеніе начальнаго образованія среди польскихъ евреевъ едва ли можно признать чѣмъ-то идеальнымъ, достойнымъ подражанія, какъ почему-то пытаются доказывать нѣкоторые современные писатели (см. напр. статью Л. Шейнгауза въ «Гацефирѣ» 1895 г. №№ 9—16). Немногіе свѣтлые умы, понимавшіе еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, что нужно найти выходъ изъ такого положенія, указывали своимъ единовѣрцамъ на необходимость давать дѣтямъ и общее образованіе, совѣтовали имъ подумать объ улучшеніи состава учителей, но не нашли сочувствія въ массѣ. Вліятельные среди еврейскаго общества люди, односторонніе фанатики или доктринеры, вышедшіе изъ тѣхъ же хедеровъ, возражали, что общее образованіе сблизитъ евреевъ съ окружающими народами, и такимъ образомъ «можетъ пострадать и даже погибнуть еврейская религія». Чрезвѣрное религиозное рвеніе — какъ справедливо указываетъ одинъ изъ изслѣдователей этой эпохи — благопріятствовало, такимъ образомъ, невѣжеству; истиннаго уваженія удостоивался только тотъ, кто болѣе другихъ былъ силенъ въ Талмудѣ и въ совершенствѣ усвоилъ талмудическія тонкости. Не замѣчалось съ теченіемъ времени никакихъ улучшеній: въ XVI и XVII в. преподаваніе велось по одному шаблону; отношеніе къ свѣтскимъ наукамъ и изученію другихъ языковъ было неизмѣнно отрицательнымъ.

При всесторонней оцѣнкѣ культурнаго значенія этой эпохи было бы, конечно, несправедливо игнорировать замѣчательныя духовныя движенія того времени: франкизмъ, хасидизмъ, борьбу съ тѣмъ и другимъ, развитіе талмудическихъ знаній; появленіе обширной еврейской литературы, — но всѣ эти факты, вліяніе которыхъ, несомнѣнно, сказалось впоследствии, почти не отра-

зились на постановкѣ начального обученія и, во всякомъ случаѣ слабо дѣйствовали на подъемъ умственного уровня народныхъ массъ: никакого движенія впередъ не замѣчалось.

Неудивительно, что при такомъ положеніи начального образованія масса еврейская—какъ справедливо жалуются многіе современники—была совершенно изолирована отъ остального населенія. Неудивительно, что опубликованные Археографическими Комиссіями историческіе акты и документы по исторіи польско-литовскихъ евреевъ,—которые, встаети сказать, не содержатъ, на сколько извѣстно, никакихъ данныхъ о школьномъ обученіи у евреевъ,—отзываются съ такимъ пренебреженіемъ къ «жидамъ невѣрнымъ». Неудивительно, что у всѣхъ иностранныхъ писателей, попадавшихъ по тому или иному поводу въ Рѣчь Посполитую, евреи рисуются въ такомъ малоутѣшительномъ для ихъ національнаго самолюбія свѣтѣ. Неудивительно, наконецъ, что съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи (въ 1772 г.) русскихъ администраторовъ такъ поразило это невѣжество, эта умственная односторонность, отсталость и странная внѣшность евреевъ.

Посѣтившій этотъ край въ 1797 г. поэтъ Державинъ въ своемъ извѣстномъ «Мнѣніи объ отвращеніи недостатка хлѣба и пр.»¹⁾ многократно касается невѣжества и существующихъ у нихъ предразсудковъ и прямо отзывается о хедерѣ, какъ о школѣ, гдѣ учатъ еврейскому языку и... фанатизму. Державинъ одинъ изъ первыхъ выступилъ съ законопроектомъ, въ которомъ предлагаетъ, «дѣтей еврейскихъ... обучать въ нормальныхъ школахъ русскому, нѣмецкому и польскому языкамъ, читать и писать, ариметикѣ и другимъ нужнымъ познаніямъ, каждому ихъ состоянію свойственнымъ»²⁾. Въ ряду другихъ мѣръ Державинъ придавалъ особенное значеніе именно образованію евреевъ и ставилъ въ зависимость отъ примѣненія этой мѣры успѣхъ всей реформы быта евреевъ. Между прочимъ, Державинъ ссылался на мнѣнія болѣе разумныхъ

¹⁾ Соч. Г. Р. Державина, изъ Имп. Ак. Наукъ, Спб. 1880, т. VI.

²⁾ „Мнѣніе сенатора Державина объ отвращеніи въ Вѣлороссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и прочемъ“. Соч. Державина, т. VII, стр. 328.

евреевъ ¹⁾, на дѣятельность Мендельсона и его друзей въ Германіи. Предложенія Державина встрѣтили сочувствіе въ учрежденномъ въ 1802 году комитетѣ объ устройствѣ евреевъ, и черезъ два года они нашли себѣ выраженіе въ Положеніи о евреяхъ 1804 г. Мы подходимъ, такимъ образомъ, ко *второму періоду* исторіи начальнаго образованія у русскихъ евреевъ — періоду государственнаго воздѣйствія.

II.

Глава «о просвѣщеніи» стоитъ впереди всѣхъ другихъ въ Положеніи 1804 года. Положивъ въ основу преобразование быта евреевъ, привлеченіе ихъ къ общей гражданственности и просвѣщенію, русское правительство дѣйствовало вполне въ духѣ времени и согласно съ историческими примѣрами другихъ странъ. Австрійскій императоръ Іосифъ II въ своихъ реформахъ, относящихся къ концу прошлаго вѣка, также исходилъ изъ того, что къ уничтоженію взаимной вражды можетъ послужить главнымъ образомъ школа. Кромѣ такъ наз. еврейскихъ «нормальныхъ» школъ, куда каждый еврей обязанъ былъ посылать своихъ дѣтей, онъ открылъ евреямъ въ 1781 г. всѣ среднія и высшія учебныя заведенія ²⁾. Въ царствованіе Франца, наряду съ репрессивными мѣрами, продолжали издаваться законы съ просвѣтительными цѣлями (1821—введеніе нѣмецкаго языка въ еврейской школѣ и др.). Въ Германіи евреи еще со

¹⁾ Самъ Державинъ сознается, что мысль объ образованіи ему впервые подсказана была однимъ изъ евреевъ, (соч. т. VII, стр. 328), съ которымъ онъ бесѣдовалъ о мѣрахъ къ улучшенію быта евреевъ. Повидимому, это былъ „еврей польскаго короля“ Нота Хавмовичъ, проектъ котораго напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Державина въ видѣ приложенія къ его „мнѣнію“. Проектъ этотъ извлеченъ изъ архива департамента иностр. исповѣданій; въ числѣ другихъ мѣръ предлагается „учредить во всѣхъ мѣстечкахъ общественныя еврейскія школы и принимать въ сіи школы еврейскихъ дѣтей, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ... ибо евреи не радятъ о воспитаніи дѣтей своихъ и поручаютъ оное кому случится... Определить къ симъ школамъ не только учителей русскаго языка, но и учителей другихъ языковъ, ибо нельзя ожидать, чтобы евреи добровольно поручали дѣтей своихъ въ христіанскія школы для изученія русскаго языка“ (т. VII, соб. 1878 стр. 355).

²⁾ *Р. Зайчикъ*. Очеркъ исторіи эмансипаціи евреевъ въ Австро-Венгріи Восходъ 1892, кн. IX, стр. 89.

временъ Фридриха Великаго могли поступать въ общія школы; во Франціи ихъ окончательно приобщила къ образованію гражданская эмансипація 1791 г.; открытіе доступа въ учебныя заведенія улучшило также ихъ положеніе въ Бельгіи и Голландіи.

Согласно «Положенію 1804 года»¹⁾, всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ Россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ (ст. 1), и никто изъ дѣтей еврейскихъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ во время пребыванія въ училищѣ быть отвлекаемъ отъ своей религіи (ст. 2). Знаніе русскаго (польскаго или нѣмецкаго) языка сдѣлано обязательнымъ для занятія общественныхъ должностей, для веденія шнуровыхъ книгъ, для торговыхъ документовъ и пр. (ст. 7—10). Окончившимъ успѣшно курсъ въ университетѣ обѣщано дарованіе ученыхъ степеней. Однимъ словомъ, установленъ рядъ общихъ *поощрительныхъ* мѣръ, отъ которыхъ правительство Александра I ждало—судя по предисловію къ «Положенію»—серьезныхъ результатовъ какъ для самихъ евреевъ, такъ и для окружающаго населенія. Но уже при самомъ изданіи «Положенія» у его творцовъ не могло не зародиться сомнѣніе: не останутся ли эти поощрительныя мѣры общаго характера втунѣ? Пойдутъ ли евреи въ общія школы? Возможенъ ли былъ сразу—при тогдашнемъ умственномъ состояніи русскихъ евреевъ—такой рѣзкій переходъ отъ традиціоннаго хедера и замкнутой жизни къ общеобразовательной школѣ?.. И комитетъ объ устройствѣ евреевъ счелъ благоразумнымъ вставить въ Положеніе статью (6-ую), которая гласитъ: «Если, не взирая на всѣ сіи побужденія, евреи не захотятъ отдавать дѣтей своихъ въ общія народныя училища, тогда установить на счетъ ихъ *особыя школы*», гдѣ обязательно должны были преподаваться и общіе предметы; для содержанія же ихъ предполагалось установить специальную подать. Ни въ какія дальнѣйшія подробности законодатель не вдается.

При всей принципиальной важности изложенной главы «о

¹⁾ В. П. С. З., т. XXVIII № 21547.

просвѣщеніи», нельзя не признать, что едва ли можно было ожидать отъ этой мѣры крупныхъ результатовъ. Подавляющее большинство евреевъ стояло на низкой ступени развитія и было совершенно чуждо условій русской жизни; евреи, какъ извѣстно, опасались, что каждая новая мѣра представляетъ собою посягательство на еврейское вѣроученіе и мало довѣряли всякаго рода специальнымъ оговоркамъ, коими сопровождались эти мѣры (ср. выше, ст. 2). Для еврея того времени отдать своего незнающаго по русски мальчика въ такое заведеніе, гдѣ кругомъ будетъ раздаваться только русская рѣчь, гдѣ всѣ другія дѣти—христіане, было совершенно невысказуемо... Не даромъ вызванные послѣ изданія Положенія 1804 года въ С.-Петербургъ допутаты еврейскіе заявили, что «еврейскимъ дѣтямъ до вступленія въ общія учебныя заведенія необходимо учиться въ *спеціально еврейскихъ училищахъ* еврейскимъ предметамъ и подготовиться къ русскому языку, который для нихъ совершенно чуждъ»¹⁾. Трудно было требовать отъ евреевъ, чтобъ они сами на свои средства и собственнымъ побужденіемъ устраивали подобныя школы на новыхъ началахъ. Среди русскихъ евреевъ не было еще для такого дѣла соотвѣтствующихъ людей, не было ни подготовленныхъ учителей, ни интеллигентныхъ инициаторовъ. Безъ внимательства со стороны государства и почина въ самой организаціи школъ дѣло не могло обойтись.

Въ теченіе ближайшей четверти вѣка, а равно и въ первые годы царствованія императора Николая I правительство, оставаясь при прежнемъ возрѣвнн на желательность поощрять образованіе среди евреевъ, не дѣлало однако рѣшительныхъ шаговъ по этому пути. Положеніе 1835 г.²⁾ въ этомъ отношеніи недалеко ушло отъ Положенія 1804 года. Авторъ недавно появившагося изслѣдованія по исторіи образованія евреевъ того времени³⁾ почему-то склоненъ думать, что

¹⁾ И. Г. Оршанскій, Русское законодательство о евреяхъ, Спб. 1877, стр. 289.

²⁾ В. П. С. З. т. X, № 8054.

³⁾ А. Бялецкій, Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I, Спб. 1894, стр. 5—6.

Положеніе 1835 года было значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ привлеченія евреевъ къ просвѣщенію, но онъ едва ли правъ: шестая глава этого «Положенія» представляетъ въ сущности перифразъ первой главы «Положенія 1804 года»; опять повторяется разрѣшеніе евреямъ поступать въ общія ученыя заведенія (§ 104), опять устанавливаются льготы для окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній (§§ 108—111), опять указывается, что для образованія своего юношества «евреи могутъ заводить свои училища» (§ 113 и слѣд.), но не видно, чтобъ правительство само сознало необходимость быть инициаторомъ въ данномъ дѣлѣ и намѣтило для этого ближайшіе пути. Правда, объ особыхъ еврейскихъ училищахъ на этотъ разъ говорится съ большею обстоятельностью. Въ §§ 114—116 намѣчаются даже нѣкоторыя частности о порядкѣ открытія подобныхъ школъ, объ учителяхъ, учебникахъ и т. п. Очевидно, вопросъ объ еврейскихъ училищахъ въ глазахъ правительства получалъ болѣе конкретное значеніе. Очевидно, правительство ждало появленія новыхъ школъ по общественной инициативѣ. Но отъ послѣдней, какъ мы уже указывали, нельзя было многого требовать: въ значительной мѣрѣ она являлась какъ бы отраженіемъ правительственныхъ воззрѣній. Возникшія въ 20-хъ и 30-хъ годахъ немногія еврейскія школы служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Первою въ Россіи еврейскою школою съ общеобразовательными предметами долгое время считали основанное при содѣйствіи кн. М. С. Воронцова общественное еврейское училище въ Одессѣ. Въ дѣйствительности, правильнѣе пальму первенства предоставить *Умани*, гдѣ такая школа существовала уже въ 1822 году. Къ сожалѣнію, сохранившіяся объ этой школѣ свѣдѣнія крайне скудны ¹⁾. Извѣстно, что она была учреждена мѣстнымъ банкиромъ Гиршъ-Беромъ Гурвичемъ (впослѣдствіи профессоромъ вост. языковъ въ Кембриджѣ) и Моисеемъ Ландау, а главнымъ преподавателемъ школы былъ нѣкто Мей-

¹⁾ Ср. вступ. замѣч. 1822, а также извлеченія изъ неизданныхъ мемуаровъ А. Б. Готлобера, опубликованныхъ С. М. Станиславскимъ въ „Восходъ“ 1884, кн. 4, стр. 132—133 и примѣч.

ерь Горнъ изъ Галиціи. Зная настроеніе русскихъ правительственныхъ сферъ, руководители школы надѣялись на официальное содѣйствіе и вскорѣ по открытіи дѣйствій школы стали хлопотать предъ мѣстными властями объ официальной санкціи. Дѣло, повидимому, ничѣмъ не кончилось; извѣстенъ только крайне характерный эпизодъ, относительно судьбы этого ходатайства ¹⁾, указывающій, какъ мало благопріятныхъ условій вообще представляла Россія въ то время для появленія новыхъ школъ съ интеллигентными руководителями, какое невѣжество царило не только среди еврейской массы и окружающаго населенія, но и въ нѣкоторыхъ слояхъ администраціи. Уманская школа не возродилась уже больше къ жизни. Въ 30-хъ годахъ устройство школы въ Умани проектировалъ одинъ изъ наиболѣе образованныхъ евреевъ того времени докторъ Абрамсонъ, при чемъ губернское начальство заявило о готовности способствовать осуществленію его предположеній и нравственно, и матеріально ²⁾. Противодѣйствіе шло тогда изъ среды самихъ уманскихъ евреевъ.

Къ болѣе удачнымъ результатамъ привело учрежденіе школы въ *Одессѣ*, гдѣ съ самаго начала мысль о школѣ встрѣтила сочувствіе и поддержку представителей высшей администраціи края, въ особенности кн. М. С. Воронцова (тогдашняго новороссійскаго генераль-губернатора). Онъ значительно содѣйствовалъ улучшенію матеріальной стороны школы, инте-

¹⁾ Учредитель школы Гурвичъ въ своемъ прошеніи упоминалъ, что предполагается, при участіи и подъ руководствомъ названнаго выше Горна, повести дѣло обученія и воспитанія „по системѣ Мендельсона“. Когда въ мѣстной полиціи—рассказываетъ А. Б. Готлоберъ—получена была бумага отъ высшаго начальства съ запросомъ объ образѣ жизни и поведеніи Горна въ связи съ его заявленіями, то по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что изъ мѣстнаго тюремнаго замка бѣжалъ содержавшійся за какіе-то неблаговидные поступки еврей, по фамиліи „Мендельсонъ“. Такое обстоятельство, по рассужденію полиціи, бросало тѣнь на Горна, желавшаго преподавать по системѣ Мендельсона, и ему грозила серьезная опасность подвергнуться участи злополучнаго арестанта. Съ трудомъ удалось убѣдить мѣстное начальство въ томъ, что скрывшійся изъ тюрьмы Мендельсонъ не имѣетъ ничего общаго съ великимъ просвѣтителемъ нѣмецкихъ евреевъ. (Восходъ 1884, кн. 4, стр. 133).

²⁾ Одес. Вѣстн. 1843 № 49.

ресовался ходомъ учебнаго дѣла въ школѣ, присутствовалъ часто на экзаменахъ, рекомендовалъ посѣщеніе школы другимъ; по его представленію старшіе преподаватели были награждены золотыми медалями, а директоръ Штернъ удостоенъ званія потомственного почетнаго гражданина. Въ 1837 году ему удалось даже обратить на училище вниманіе императора Николая I, который посѣтилъ его вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и выразилъ попечителямъ и преподавателямъ школы признательность за ихъ труды и рвеніе на пользу образованія евреевъ.

Наряду съ сочувствіемъ администраціи, успѣху одесской школы способствовали тогда и другія обстоятельства. Въ Одессѣ было уже въ то время не мало иностранныхъ евреевъ, людей съ болѣе широкимъ кругозоромъ и здравымъ взглядомъ на вещи; возрастаніе ихъ вліянія, сношенія съ ними мѣстныхъ уроженцевъ, развитіе торговли въ Одессѣ не могло не отразиться на общемъ умственномъ уровнѣ еврейскаго населенія. Потребность въ организованной школѣ съ общеобразовательными свѣдѣніями, реакція противъ хедернаго обученія были вполне естественны. Скоро нашлись выразители такого общественнаго настроенія. Составился кружокъ лицъ, собравшій добровольныхъ пожертвованій на сумму, достаточную для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ—по найму квартиры и покупкѣ учебныхъ пособій и принадлежностей школы. Нѣсколько преданныхъ дѣлу молодыхъ людей (въ томъ числѣ, извѣстные впоследствии писатели С. Пинскеръ и И. С. Финкель) согласились на первое время преподавать въ этой школѣ безвозмездно. Это было въ 1826 году. Постепенно дѣла школы стали улучшаться; на содержаніе ея отпускалась затѣмъ ежегодно приличная сумма, число учащихся быстро возрастало ¹⁾. Въ 1835 году при училищѣ возникло и женское отдѣленіе. Мѣстная пресса тепло отзывалась о школѣ ²⁾. Положеніе и репутація школы еще болѣе упрочиваются, когда въ 1829 году во главѣ ея становится извѣстный у себя на родинѣ педагогъ,

¹⁾ При открытіи 6-го ноября 1826, въ Одесской школѣ было 65, въ октябрѣ 1827 г.—250, въ 1834 г.—400.

²⁾ Одес. Вѣстн. 1827, № 26.

галиційскій выходець—Бецалель Штернъ. Человѣкъ этотъ, по свидѣтельству современниковъ, всею душою отдался своему дѣлу. Первое время его преобразованія касались только постановки общеобразовательныхъ предметовъ, но постепенно онъ сталъ проводить свои идеи и по отношенію къ еврейскимъ предметамъ. Онъ желалъ преподаваніе послѣднихъ вести по возможности рационально, согласно новѣйшимъ методамъ. Дѣло не обошлось безъ борьбы. Особенно усилилось негодованіе, когда онъ въ 1831 году прекратилъ преподаваніе Талмуда цѣлыми трактатами, замѣнивъ эти уроки чтеніемъ сочиненій И. В. Левинсона, С. Реджіо и другихъ новѣйшихъ писателей, излагавшихъ ученіе и исторію іудаизма въ болѣе систематичномъ и научномъ видѣ. Но Штернъ успѣлъ уже вполне укрѣпить свое положеніе и завоевать общія симпатіи горячимъ отношеніемъ къ интересамъ начальнаго образованія. Поэтому протесты нисколько не обезкураживали энергичнаго директора, какъ его впослѣдствіи не смущали и нареканія приверженцевъ мрака и тьмы во время его дѣятельности въ качествѣ члена новороссійскаго комитета по еврейскимъ дѣламъ, члена раввинской комиссіи и т. д. Къ концу 30-хъ годовъ Одесская школа, постепенно расширяя свой курсъ, подходила уже скорѣе подъ типъ прогимназіи или реального училища; съ учрежденіемъ казенныхъ училищъ она была преобразована въ «училище 2-го разряда».

Такимъ образомъ, одесская школа была *первымъ оффициально признаннымъ рассадникомъ начальнаго еврейскаго образованія*. На этой школѣ впервые правительство могло убѣдиться въ цѣлесообразности хорошо организованныхъ еврейскихъ школъ и плодотворности достигаемыхъ въ нихъ результатовъ; впервые въ дѣлѣ еврейскаго школьнаго дѣла могла проявиться инициатива немногочисленныхъ интеллигентныхъ силъ, которыми располагало въ то время русское еврейство; впервые могли быть сдѣланы практическія попытки къ упорядоченію принявшаго столь уродливую форму обученія еврейскимъ предметамъ. Все это имѣло серьезное историческое значеніе. Не менѣе важно было далѣе то, что школа выработала контингентъ опытныхъ педагоговъ и значительно повысила образовательный уровень Одесскаго еврейскаго населенія. На-

конецъ, она отчасти служила образцомъ для будущихъ «уваровскихъ» школъ.

Слѣдующей по времени основанія школой, о которой, къ сожалѣнію, свѣдѣній имѣется очень мало, было частное училище для обученія еврейскихъ дѣтей общеобразовательнымъ предметамъ, основанное Шевелемъ Перелемъ въ 1830 г. въ Вильнѣ ¹⁾. Въ 1838 году почти одновременно на юго и сѣверо-западѣ Россіи учреждаются двѣ новыя школы: одна—въ Кишиневѣ, другая—въ Ригѣ. Первая своимъ возникновеніемъ обязана, главнымъ образомъ, усиліямъ упомянутаго директора Штерна, который исходатайствовалъ у кн. Воронцова разрѣшеніе на учрежденіе ея ²⁾. По другимъ свѣдѣніямъ, инициатива основанія въ Кишиневѣ общественнаго еврейскаго училища принадлежитъ самому кн. Воронцову ³⁾. Во всякомъ случаѣ, Штернъ былъ главнымъ организаторомъ школы при ближайшемъ содѣйствіи мѣстной администраціи. Не лишено интереса, что для воздѣйствія на Кишиневское еврейское общество Штернъ долженъ былъ заручиться письмомъ къ мѣстному губернатору Федотову, и лишь благодаря личному вліянію послѣдняго Штерну удалось болѣе или менѣе обезпечить положеніе училища въ матеріальномъ отношеніи. Учебная часть Кишиневскаго училища была организована по образцу Одесскаго, но съ меньшею программю (4-лѣтнею). Во главѣ училища стояли почти все время—до преобразования его въ казенное училище—выдающіеся еврейскія ученые: поэтъ и математикъ Яковъ Эйхенбаумъ, докторъ Гуровицъ, докторъ Гольденталь (впослѣдствіи профессоръ вѣнскаго университета); училищу приходилось выдерживать постоянную борьбу съ равнодушіемъ кишиневскихъ евреевъ и недовѣріемъ къ поставленному на новыхъ началахъ преподаванію.

Большимъ сочувствіемъ со стороны мѣстнаго общества

¹⁾ А. Бѣлецкій, *Вопр. объ образ. рус. евр.*, Спб. 1894, стр. 9 (по архивнымъ даннымъ канцеляріи попеч. Виѣ. учебн. окр.).

²⁾ Станиславскій. *Изъ исторіи и жизни одной евр. школы. Восходъ 1884*, кн. 4, стр. 140.

³⁾ А. Лионъ, *Хроника умств. и нравств. развитія Кишиневскихъ евреевъ (1773—1890 г.)* Кишин. 1891, вып. 2, стр. 3—4.

пользовалась школа въ Ригѣ. Здѣсь инициатива учрежденія школы исходила отъ самого общества, хотя повидимому всё хлопоты ихъ велись подъ ближайшимъ руководствомъ и даже можетъ быть, давленіемъ мѣстнаго учебнаго начальства ¹⁾. Пользуясь пребываніемъ въ Ригѣ министра народн. просвѣщ. графа Уварова, представители рижскаго еврейскаго общества представили ему подробный проектъ учрежденія школы. Въ проектѣ указывалось, между прочимъ, что іудейская религія будетъ преподаваться систематически, и при томъ на основаніи священныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ откровеніе Божіе, данное чрезъ пророковъ; что Библія будетъ читаться съ переводомъ на нѣмецкій языкъ Мендельсона; что во главѣ школы долженъ стоять иностранецъ еврейскаго исповѣданія, который былъ бы «образованъ въ духѣ чистаго просвѣщенія» и т. д. Однимъ словомъ, въ проектѣ намѣчался цѣлый рядъ нововведеній въ такомъ духѣ, что они не могли не встрѣтить одобренія у министра, который — какъ мы увидимъ ниже — придавалъ особенно важное значеніе реформѣ религіознаго обученія въ специально-еврейскихъ школахъ. Удовлетвореніе ходатайства рижскихъ евреевъ не заставило себя долго ждать. Графъ Уваровъ счелъ даже нужнымъ довести о проектѣ училища до свѣдѣнія Государя. Проектъ удостоился Высочайшаго одобренія, послѣ чего Уварову нетрудно было устроить и финансовую сторону дѣла, т. е. добиться разрѣшенія спеціального сбора на содержаніе школы. Въ слѣдующемъ 1839 году основаніе еврейскаго училища въ Ригѣ было уже совершившимся фактомъ ²⁾. Во главѣ училища сталъ д-ръ Лиліенталь, приглашенный изъ Германіи по указанію извѣстнаго нѣмецко-еврейскаго писателя Людвигъ Филипсона. Училище подъ руководствомъ Лиліенталья вполне оправдало надежды, которыя на него возлагалъ министр. Поступавшіе въ министерство отзывы единодушно свидѣтельствовали объ успѣшномъ развитіи этого заведенія и убѣждали Уварова въ

¹⁾ D-r Ad. Ehrlich, *Entwicklungsgeschichte der israelitischen Gemeindegemeinschaft zu Riga*, St. Petersburg. 1894, стр. 2—5.

²⁾ Дополн. къ Сборн. Постановл. по М. Н. П., стр. 707 и др.; *Ehrlich, Entwicklungsgeschichte*, стр. 10.

возможности приступить къ скорѣйшему осуществленію его обширнаго плана—открытія цѣлой сѣти начальныхъ училищъ по всему пространству черты еврейской осѣдлости.

Какъ видно изъ сохранившихся воспоминаній очевидцевъ ¹⁾, Уваровъ относился къ вопросу объ образованіи евреевъ и учрежденіи для нихъ школъ съ большимъ воодушевленіемъ, проводилъ надъ этимъ дѣломъ цѣлые часы, заинтересовалъ императора Николая I. Проведеніе своего плана Уваровъ поставилъ въ связь съ происходившимъ въ то время въ особомъ о евреяхъ комитетѣ пересмотромъ законодательства о евреяхъ и воспользовался трудами дѣйствовавшихъ въ то время шести комитетовъ при генераль-губернаторахъ западнаго края. Эти труды давали, конечно, преимущественно матеріаль по экономическому положенію евреевъ въ Россіи, и отчасти по устройству ихъ общественнаго и религіознаго быта. Но для Уварова важны были и эти данныя, такъ какъ—по его убѣжденію—всѣ ненормальныя стороны еврейской жизни главнымъ образомъ обусловливались низкимъ уровнемъ просвѣщенія. Наряду съ такого рода матеріаломъ, Уваровъ нуждался для осуществленія своей мысли въ людяхъ близко стоящихъ къ дѣлу и воодушевленныхъ искреннимъ желаніемъ работать на пользу своихъ единовѣрцевъ. Выборъ Уварова палъ на директора рижскаго училища д-ра Лиліенталя. Въ 1839 году Лиліенталь былъ вызванъ въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ имя его тѣсно связано съ новыми мѣропріятіями правительства по организаціи еврейскаго школьнаго дѣла.

Когда главныя предположенія по дѣлу учрежденія школъ были уже намѣчены, Лиліенталь, по порученію министерства, предпринимаетъ двѣ поѣздки въ западный край. Поѣздки эти имѣли какъ бы характеръ рекогносцировки, чтобы выяснить настроеніе умовъ среди евреевъ, выяснитъ, на чье сочувствіе можно, главнымъ образомъ, рассчитывать. Въ изслѣдованіи М. Г. Моргулиса ²⁾ подробно описывается, въ какое странное

¹⁾ Особенно изъ писемъ д-ра Лиліенталя, воспроизведенныхъ у М. Г. Моргулиса (Вопросы евр. жизни, Спб. 1889, стр. 16—17 и др.).

²⁾ Вопросы евр. жизни, ст.: „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ“, стр. 19 и слѣд.

положеніе сталъ Лиліенталь съ первыхъ же шаговъ своего путешествія. Виленскіе и минскіе евреи, съ которыхъ онъ началъ свой объездъ въ первый разъ, ему, очевидно, не довѣряли. Въ Вильнѣ его спрашивали, увѣренъ ли онъ въ доброжелательныхъ чувствахъ правительства; высказывали опасенія, вѣтъ ли во всемъ этомъ начинаніи посягательствъ на религію? Не преслѣдуются ли въ данномъ случаѣ правительствомъ цѣли тайнаго, постепеннаго привлеченія евреевъ къ христіанству? Въ Минскѣ шли еще дальше и даже заявляли, что образованіе безъ расширенія правъ принесетъ только вредъ евреямъ, такъ какъ при нынѣшнемъ положеніи образованные евреи будутъ чувствовать себя еще несчастнѣе и—чего добраго—могутъ измѣнить вѣрѣ отцовъ; что пока еврей необразованъ и невѣжественъ, онъ не пренебрегаетъ унижительнымъ хлѣбомъ фактора, ростовщика и т. п. (Allg. Zeit. d. Iud. 1842 № 41) и довольствуется малымъ. Конечно, всѣ эти доводы не могли быть достаточно убѣдительными ни для Лиліенталья, ни для его единокышленниковъ изъ небольшой кучки просвѣщенныхъ друзей его,—но на успѣхъ его миссіи они отразились самымъ плачевнымъ образомъ. Не даромъ сохранились свидѣтельства, что во время этой первой поѣздки Лиліенталь сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и оскорбленій, что про него распускались самыя нелѣпыя выдумки ¹⁾, что на улицахъ его встрѣчали криками, дѣти бѣгали и бросали въ него комьями снѣга ²⁾. Съ другой стороны, знакомство съ отдѣльными представителями малочисленной просвѣщенной партіи убѣдило Лиліенталья въ томъ, что сознаніе необходимости просвѣщенія для улучшенія быта еврейской массы проникло уже въ лучшіе круги сѣверо-западныхъ евреевъ, и при ихъ содѣйствіи мыслимо будетъ осуществить предположенія о новыхъ школахъ. «Il faut soutenir les bienveillants»—воскликнулъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ, присутствовавшій при томъ, какъ Лиліенталь рассказывалъ Уварову впечатлѣнія своей первой поѣздки. «Правительству—писалъ затѣмъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Уваровъ—остается дѣй-

¹⁾ Моргулисъ, стр. 24.

²⁾ Свѣдѣнія объ отношеніи къ Лиліенталю пишущему эти строки удалось получить отчасти отъ старожиловъ и очевидцевъ.

ствовать въ духѣ горсти лучшихъ между евреями, давши имъ своими мѣрами покровительства надлежащій перевѣсъ»¹⁾).

Вторая поѣздка Лиліенталя, чрезъ годъ съ небольшимъ, была удачнѣе первой. Прежде всего этому способствовало уже то, что она и съ официальной стороны была обставлена лучше первой: Уваровъ испросилъ на эту поѣздку разрѣшеніе Государя, написалъ всѣмъ генералъ губернаторамъ, рекомендуя Лиліенталя съ лучшей стороны и прося ихъ содѣйствовать его миссіи. Далѣе, почва была уже подготовлена слухами о серьезныхъ намѣреніяхъ правительства заняться улучшеніемъ быта евреевъ. Наконецъ, «друзья просвѣщенія», особенно на югѣ, оказали на этотъ разъ Лиліенталю болѣе дружную поддержку. Маршрутъ былъ назначенъ Лиліенталю слѣдующій: Рига, Митава, Ковно, Вильно, Минскъ, Гродно, Бѣлостокъ, Житомиръ, Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Одесса, Херсонъ, оттуда — въ Кіевскую губернію, чрезъ Умань на Кіевъ, а затѣмъ чрезъ Черниговъ, Могилевъ и Витебскъ въ Петербургъ, при чемъ ему предоставлялось останавливаться и въ другихъ пунктахъ (Инструкція министерства народн. просвѣщ. 22 іюля 1842 г. № 7206). Согласно заявленіямъ министерства, цѣль поѣздки Лиліенталя была, съ одной стороны, изучить настроеніе умовъ у евреевъ, съ другой — успокоить ихъ относительно намѣреній правительства. Лиліенталь долженъ былъ, по смыслу данной ему инструкціи, объяснить своимъ единовѣрцамъ, что цѣль учрежденія школъ — «приблизить евреевъ, безъ всякаго посягательства на ихъ религію, къ истинной гражданской и нравственной жизни, которая можетъ быть достигнута только путемъ общечеловѣческаго образованія». Лиліенталю предлагалось разузнавать, «въ какихъ мѣстностяхъ и отъ кого правительство можетъ рассчитывать на поддержку» и «гдѣ гнѣздится духъ противодѣйствія», предлагалось обращать особое вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые приобрѣли уже нѣкоторыя познанія въ тѣхъ же наукахъ и могутъ въ качествѣ преподавателей содѣйствовать исполненію намѣреній правительства.

¹⁾ Дополненіе къ Сборнику постановленій по м-ву нар. просв. 1803—1846 г. Сиб. 1867, стр. 700—и слѣд.

Лиліенталь энергично работалъ въ указанномъ ему направленіи. Его извѣстное посланіе на древне-еврейскомъ языкѣ ¹⁾ «Магидъ Іошуа» представляетъ убѣдительную проповѣдь необходимости для евреевъ общаго образованія. Онъ, повидимому, зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и, ссылаясь на слова министра Уварова, прямо заявлялъ, что евреи должны теперь воспользоваться удобною минутою для своего же собственнаго блага; разъ они и теперь не образумятся, — продолжалъ онъ, — то недоброжелатели евреевъ будутъ совершенно правы, если станутъ приписывать ихъ бѣдственное положеніе суевѣрію и невѣжеству.

Какъ бы то ни было, ни въ остзейскомъ, ни въ сѣверо-западномъ краѣ Лиліенталю не предстояло уже особыхъ трудностей. Можетъ быть, и скрѣпя сердце, неохотно — но съ нимъ соглашались... Что касается юго-западныхъ и южныхъ губерній, то — судя по письмамъ современниковъ въ заграничныя еврейскія изданія ²⁾, — путешествіе Лиліенталья было сплошнымъ триумфомъ: его встрѣчали какъ спасителя отъ долгихъ страданій, въ его миссіи видѣли предвѣстіе новыхъ лучшихъ дней. Его выслушивали всюду съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ; самые почетные обыватели наперерывъ желали показать ему свое расположеніе, изъ каждаго города его провожали толпами... Въ Бердичевѣ Лиліенталю поднесли большой вызолоченный кубокъ, въ Херсонѣ ему устроили торжественные проводы на особомъ пароходѣ; въ Одессѣ ему предлагали постъ раввина и проповѣдника и поднесли адресъ. Въ Одессѣ, между прочимъ, Лиліенталь имѣлъ возможность близко познакомиться съ мѣстными еврейскими училищами (см. выше). Онъ сознается, что эти заведенія соотвѣтствуютъ тѣмъ представленіямъ о будущихъ школахъ, которыя складывались уже въ его умѣ. И прямо заявляетъ даже, что онѣ могутъ служить образцомъ для проектируемыхъ школъ. Съ особымъ удовольствіемъ онъ упоминаетъ въ записи, которую оставилъ въ памятной книгѣ училища, что «всѣ преподаваемые здѣсь предметы *ясны* для воспитанниковъ, они отвѣчаютъ опредѣленно на всѣ вопросы,

¹⁾ Въ „Сборникѣ евр. писемъ“ М. Леттериса.

²⁾ Въ статьѣ М. Г. Моргулиса приводятся характерныя въ этомъ отношеніи выдержки изъ „Allg. Zeit. des Judenth.“ за 1842 и 1843 гг.

а это свидѣтельствуеть о томъ, что въ нихъ возбуждена мысль и все, что говорится ими, нисколько не зазубрено». Очевидно, что до прибытія въ Одессу Лиліенталя имѣлъ случай убѣждаться въ противоположномъ; разспросы воспитанниковъ тогдашнихъ хедеровъ и талмудъ-торъ едва-ли могли свидѣтельствовать о такой ясности и сознательности усвоенія. Съ другой стороны, воодушевленіе и энергія, съ какими отдавались дѣлу руководители и преподаватели одесскаго училища, укрѣпили Лиліенталя въ убѣжденіи, что изъ устроенныхъ на подобныхъ основаніяхъ еврейскихъ училищъ должны выйти современемъ «дѣльные люди и прекрасныя матери», внушили ему — какъ онъ выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ — «бодрую настойчивость въ достиженіи цѣли».

Впрочемъ, докторъ Лиліенталя увлекался въ одномъ отношеніи: не слѣдовало упускать изъ виду, что эти училища, какъ нѣчто исключительное, возникли среди болѣе интеллигентныхъ слоевъ еврейскаго населенія, возникли къ тому же по общественной инициативѣ, сочувствіемъ общества поддерживались и благодаря этому сочувствію такъ быстро развивались. Едва-ли будущимъ министерскимъ училищамъ могла предстать подобная же перспектива. Въ противоположность одесскимъ школамъ, проектируемыя заведенія должны были явиться расадниками знанія преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, въ такой средѣ, которая стояла совершенно въ сторонѣ отъ общеевропейскаго образованія. Далѣе, какъ ни великъ былъ энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчали Лиліенталя во время второй поѣздки, необходимо имѣть въ виду, что въ то же время было не мало скептиковъ, которые были преисполнены самымъ мрачнымъ опасеніемъ относительно миссіи Лиліенталя: говорили о водвореніи безвѣрія, о тайныхъ замыслахъ правительства, о козняхъ просвѣтителей вообще и д-ра Лиліенталя въ частности. Да и самый энтузіазмъ, о которомъ почтенный изслѣдователь этой эпохи М. Г. Моргулисъ говорить главнымъ образомъ на основаніи писемъ тогдашнихъ «друзей просвѣщенія», нѣсколько преувеличенъ; по крайней мѣрѣ, позднѣйшія воспоминанія нѣкоторыхъ еврейскихъ писателей (см. особенно «Chazon Lamoad» Б Мандельштама и др., напечатанныя сравнительно недавно

въ евр. періодич. изданіяхъ) нѣсколько ослабляютъ силу впечатлѣнія, испытываемаго при чтеніи №№ «Allg. Zeitung des Judenthums», которыми пользовался названный изслѣдователь. Наконецъ, нельзя забывать, что разъ инициатива этихъ школъ шла изъ *правительственныхъ* сферъ, этимъ самымъ предрѣшалась нѣкоторымъ образомъ ихъ будущность: тогда не было и, естественно, не могло быть вполне довѣрчиваго отношенія къ сферамъ, откуда исходило въ то же время немало ограничительныхъ для евреевъ законовъ. Съ другой стороны, на мѣстахъ, въ западномъ краѣ, правительство совершенно не располагало такими стоящими на высотѣ своего призванія органами, которые могли бы проникнуться идеями Уварова. Какъ и всякія правительственныя мѣропріятія, созрѣвающія въ типичныхъ кабинетахъ, устройство правительственныхъ школъ не считалось съ многими условіями жизни. И даже послѣ объѣзда Лиліентала, послѣ личнаго ознакомленія съ мѣстными условіями, въ предположенной организаціи училищъ не удалось избѣжать того, что впоследствии такъ тормозило развитіе училищнаго дѣла. Не удалось, напр., устранить въ новыхъ училищахъ формализма и чисто внѣшняго отношенія къ дѣлу, которыхъ обыкновенно не бываетъ въ школахъ, возникшихъ по *общественной* инициативѣ или руководимыхъ *общественными силами*. Исторія «Положенія объ училищахъ 1844 года» и самая судьба училищъ будетъ наилучшею иллюстраціею къ сказанному.

Съ возвращеніемъ д-ра Лиліентала въ столицу, дѣло о еврейскихъ училищахъ получаетъ болѣе быстрое движеніе. Мы уже упоминали, что разсмотрѣніе вопроса въ комитетѣ объ устройствѣ евреевъ началось еще съ 1840 года. Комитетъ согласился въ общемъ съ предложеніями гр. Уварова, и 22-го іюля 1842 года состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго надворъ министра народнаго просвѣщенія распространенъ на всѣ еврейскія учебныя и даже «ученныя» заведенія на общихъ основаніяхъ по учебной части существующихъ. Для содѣйствія же видамъ правительства разрѣшено было учредить комиссію изъ четырехъ раввиновъ и ученыхъ евреевъ. Мысль о такой раввинской комиссіи была подана министру Лиліенталемъ еще

до второй поѣздки, и когда Лиліенталь вернулся, должны были открыться занятія этой комиссіи. Лиліенталь былъ въ этой комиссіи делегатомъ отъ правительства; представителями евреевъ явились: 1) авторитетнѣйшій изъ тогдашнихъ «море-герозевъ» (духовныхъ раввиновъ) — глава воложинскаго ешибота Ицхакъ Ицхаки; 2) ставленникъ хасидской партіи — извѣстный въ свое время р. Менделе Любавичеръ; 3) бердичевскій купецъ Израиль Гальпернъ, и 4) директоръ одесскихъ училищъ Бецалель Штернъ. Таковъ былъ составъ присутствія, которое должно было явиться выразителемъ мнѣній евреевъ по вопросу о новыхъ школахъ. На самомъ дѣлѣ оно далеко не отвѣчало своей роли, напоминая скорѣе крыловскій воевъ, который не могъ далеко уйти, потому что «въ товарищахъ не было согласія». Одни, какъ лебедь, рвались въ облака — мечтали о реформѣ іудаизма и о широкомъ просвѣщеніи своихъ собратьевъ (Штернъ и еще болѣе Лиліенталь), другіе пятились назадъ (оба раввина), третьи понимали благо своихъ единовѣрцевъ совершенно по своему (Гальпернъ). Пробовали другъ другу уступать, идти на компромиссы... но кончилось тѣмъ, что добровольно избранные делегаты должны были подчиниться тому, чего отъ нихъ требовало правительство, подписали всѣ проекты и санкціонировали своимъ авторитетомъ предложенные на ихъ разсмотрѣніе книги и учебники для будущихъ школъ. По окончаніи работъ комиссіи предположенія г-ра Уварова подверглись еще подробному разсмотрѣнію въ нѣкоторыхъ высшихъ государственныхъ установленіяхъ и 13 ноября 1844 года получили силу закона.

III.

Какъ бы предисловіемъ къ «Положенію 1844 года» явился докладъ, представленный г-р. Уваровымъ императору Николаю Павловичу еще до начала работъ по организаціи школъ. Въ самомъ началѣ доклада Уваровъ ссылается на примѣръ европейскихъ правительствъ. Въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса о евреяхъ эти государства давно отказались отъ «гоненій и насильствъ всякаго рода», но обратились къ мѣрамъ кротости и «внушеніямъ здравой логики». Полагая, что и для Россіи настало время воздѣйствовать такимъ же образомъ на живущихъ въ ея предѣлахъ евреевъ, доведенныхъ — по словамъ министра —

«до самой послѣдней степени моральнаго униженія», Уваровъ заявляетъ, что могущественнымъ орудіемъ для достиженія цѣли правительства можетъ служить общественное воспитаніе новаго поколѣнія евреевъ. Чтобы поставить это воспитаніе на вполнѣ правильныхъ началахъ, приноровленныхъ къ особенностямъ быта евреевъ и ихъ религіозныхъ воззрѣній, необходимо учредить для нихъ систему специальныхъ школъ. Послѣ этихъ въ подлинникѣ еще сильнѣе выраженныхъ и подробнѣе мотивированныхъ соображеній, идетъ рядъ другихъ разсужденій, указывающихъ, что гр. Уваровъ не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ одностороннихъ воззрѣній на еврейство и іудаизмъ. Говоря о замѣчающемся среди болѣе образованныхъ русскихъ евреевъ «большомъ рвеніи къ собственному преобразованію», гр. Уваровъ полагаетъ, что рвеніе это *чисто-религіознаго характера* (?) Далѣе, по поводу того, что многіе изъ тѣхъ же образованныхъ евреевъ одну изъ главныхъ причинъ печальнаго положенія своихъ единовѣрцевъ видятъ въ превратномъ толкованіи религіозныхъ преданій, графъ дѣлаетъ смѣлый и произвольный выводъ: «они (образованные евреи) знаютъ, что *Талмудъ* развращалъ и развращаетъ (?) ихъ соотечественниковъ», а «нигдѣ вліяніе Талмуда не столько сильно, сколько у насъ и въ Ц. Польскомъ, ибо нигдѣ не господствуетъ въ еврейяхъ такое невѣжество, и это вліяніе можно единственно устранить *просвѣщеніемъ*». «Слѣдовательно — заключаетъ онъ — преобразование учебной части между евреями въ то же время составляетъ и очищеніе ихъ религіозныхъ понятій и наоборотъ» ¹⁾.

Сущность «Положенія 1844 года» сводится къ тому, что съ одной стороны предполагалось учредить два высшихъ училища, въ Вильнѣ и Житомирѣ, для подготовленія контингента людей, которые должны были стать просвѣтителями своего народа — будущихъ учителей и раввиновъ, а съ другой низшія училища двоякаго рода: *перворазрядныя* и *второразрядныя*. Изъ нихъ первыя по курсу соответствовали приходскимъ и имѣли цѣлью дать только элементарныя свѣдѣнія; для второразрядныхъ же училищъ выдвигалось особенною цѣлью приспособленіе юно-

¹⁾ Дополн. къ Сборн. постановл. по мн. нар. просв. 1803 — 1864, Спб. 1867, стр. 155.

щества къ торговому и промышленному состояніямъ. Предметами обученія въ перваго рода училищахъ были: русскій языкъ (чтеніе, письмо и начала грамматики), ариметика (4 правила и мѣры), древне еврейскій языкъ (чтеніе, письмо и начала грамматики) и еврейскій законъ. Затѣмъ 16 § Положенія содержалъ слѣдующее постановленіе: «Въ мѣстахъ, гдѣ евр. населеніе состоитъ преимущественно изъ земледѣльцевъ, въ училищахъ 1-го разряда будутъ учреждены дополнительные курсы, для обученія началамъ сельскаго хозяйства, садоводства, также черченію простыхъ геометрическихъ фигуръ и машинъ, употребительныхъ въ земледѣліи, съ примѣненіемъ, по возможности, теоріи къ практикѣ. По городамъ и мѣстечкамъ, населеннымъ болѣе ремесленниками, въ дополнительные курсы могутъ входить и употребительнѣйшія *изъ ремесла*».

Училища 2-го разряда, подходившія,—какъ мы уже выше упомянули,—къ типу уѣздныхъ училищъ, имѣли болѣе обширный курсъ. Сюда принимались ученики, окончившіе курсъ училища 1-го разряда, или знающіе преподаваемые въ нихъ предметы. Курсъ второразрядныхъ училищъ, составлялся изъ слѣдующихъ предметовъ: еврейскаго языка, еврейскаго закона, русскаго языка со включеніемъ и высшей части грамматики, ариметики (всей), географіи всеобщей и русской, черченія и чистописанія. Затѣмъ предполагалось также открыть въ этихъ второразрядныхъ училищахъ дополнительные курсы съ преподаваніемъ слѣдующихъ реальныхъ наукъ: бухгалтеріи, геометріи, механики, примѣненной къ промышленности, свѣдѣній изъ естественной исторіи, физики, химіи въ соединеніи съ технологіей, рисованія и общихъ понятій объ отечественныхъ законахъ, порядкѣ и формахъ судопроизводства, особенно по дѣламъ, относящимся къ торговлѣ. Учителя должны были опредѣляться преимущественно изъ окончившихъ курсъ раввинскаго училища. Содержались училища на счетъ суммъ спеціального свѣчнаго съ евреевъ сбора и доходовъ отъ двухъ монопольныхъ еврейскихъ типографій въ Вильнѣ и Житомирѣ. Ученіе было бесплатное. Таковъ въ общихъ чертахъ остовъ задуманной реформы. Успѣхъ ея зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того, какъ она будетъ *проведена на практикѣ*; отъ того,

кто явится исполнителемъ утвержденнаго Верховною Властью предложенія министерства; отъ того, въ какое положеніе станетъ къ дѣлу учебное вѣдомство.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ тѣмъ страннымъ фактомъ, что люди, которые явились главными инициаторами и творцами этого закона, сошли со сцены прежде, чѣмъ новое «Положеніе» нашло себѣ болѣе или менѣе широкое примѣненіе. Лилянталь исчезаетъ въ самый разгаръ подготовленія къ учрежденію училищъ ¹⁾. Въ первые же годы дѣйствія училищъ оставляетъ министерство и самъ Уваровъ— правда, не изъ-за разногласія по вопросамъ еврейскаго образованія, а по другимъ причинамъ общаго характера... Такимъ образомъ, уже къ концу 40-хъ годовъ руководство новымъ и сложнымъ дѣломъ управленія еврейскими училищами перешло въ руки людей, стоявшихъ вдали отъ первоначальныхъ организаціонныхъ работъ, производившихся при ближайшемъ участіи гр. Уварова и Лилянтала. Съ обстоятельствомъ этимъ придется считаться при ближайшемъ обзорѣни того, какъ развивалось при преемникахъ гр. Уварова еврейское школьное дѣло,— и не должно казаться страннымъ, что на практикѣ многое изъ задуманнаго Уваровымъ потерпѣло крушеніе.

¹⁾ Этому внезапному исчезновенію выставлялись разные объясненія. М. Г. Моргулис склоняется, повидимому, къ тому мнѣнію, что болѣе всего Лилянтала смущала неловкость предъ тѣми германскими учеными евреями, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ относительно пріѣзда ихъ въ Россію. Другое мнѣніе, будто Л. могъ быть недоволенъ тѣмъ, что для него не оставлено было мѣста въ системѣ новыхъ училищъ и даже мѣсто въ Ригѣ было отдано другому (д-ру Нейману), нашло себѣ опроверженіе въ недавно появившейся брошюрѣ д-ра Эрлиха: по словамъ послѣдняго, къ выбору другого директора рижское общество приступило только послѣ того, какъ получило извѣстіе о томъ, что Лилянталь болѣе не вернется въ Ригу; отъѣздъ же Лилянтала въ Америку д-ръ Эрлихъ объясняетъ разочарованіемъ въ тѣхъ надеждахъ, которыя Л. возлагалъ на правильное развитіе въ Россіи школьнаго дѣла. Вѣзко подходитъ къ послѣднему объясненію указанія самого Л., который, будучи уже профессоромъ пинципнатскаго богословскаго института, въ бесѣдахъ со своими слушателями говаривалъ, что не хотѣлось ему оставлять начатаго дѣла, но онъ видѣлъ, что постановка новыхъ школъ не будетъ проведена такъ, какъ она была задумана. Такъ, между прочимъ, рассказывалъ пишущему эти строки одинъ изъ пріѣзжавшихъ недавно въ Россію слушателей Лилянтала.

Внѣшняя исторія новыхъ училищъ за первое десятилѣтїе такова. Въ началѣ 1847 года открыты были въ видѣ опыта въ Вильнѣ 3 пригот. класса къ равв. учил., равные по курсу училищу 2 го разряда, а въ Житомирѣ 2 класса и имѣли къ концу года около 100 учащихся. Въ томъ же году положено было основаніе училищамъ 1-го и 2-го разряда, сначала въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, а въ послѣдующіе затѣмъ годы въ округахъ Кіевскомъ, Одесскомъ и Дерптскомъ. Съ каждымъ годомъ основывались новыя училища и прибавлялись классы. Въ 1851 году число учащихся достигло 1840, въ 1852 году 2186, 1853 г. 2775, 1854 г. 3208, 1855—3487.¹⁾

Послѣ этого года замѣчается уменьшеніе числа учащихся: въ 1856 году ихъ насчитывалось 3118; въ 1857—3292.

Оффиціальныи историкъ еврейскихъ училищъ Пилецкій-Урбановичъ²⁾ насчитывалъ 13 училищъ 2 го разряда и 92 уч. 1-го разр., и находилъ эти цифры тѣмъ болѣе утѣшительными, что «министерство—какъ онъ выражается—должно было бороться съ затрудненіями, неизбѣжными во всякомъ новомъ дѣлѣ, съ бѣдностію, предубѣжденіемъ и грубымъ фанатизмомъ евреевъ, наконецъ недостаткомъ образованныхъ евр. учителей».

Въ 1864 году, по отчету т. с. Постельса, число казенныхъ училищъ 1-го разряда достигало 92, а количество учащихся въ нихъ 3635. Правда, многія школы, какъ обнаружили произведенныя впоследствии, по порученію министерства, ревизіи (Мандельштамомъ, Мухлинскимъ и др.) оказались существующими только на бумагѣ, или, имѣя только десятокъ другой учениковъ, владели жалкое существованіе. Послѣднее особенно вѣрно относительно сѣверо-зап. края³⁾. По исчисленіямъ, произведеннымъ на основаніи архивныхъ данныхъ, цифръ девятой ревизіи и статистическихъ работъ Кеппена, въ изслѣдованіи

¹⁾ Ради единства изложенія намъ придется въ этой главѣ нѣсколько разъ ссылаться на факты, относящіяся собственно къ началу третьяго изъ намѣченныхъ нами періодовъ. Въ частности, намъ не хотѣлось дробить исторію училищъ, учрежденныхъ по Положенію 1844 года.

²⁾ Д. Пилецкій-Урбановичъ, Историч. обзорніе евр. училищъ въ Россіи, Воспитаніе 1862, т. XII, № 12, отд. 1.

³⁾ Постельса, Отчетъ по обзорнію еврейскихъ училищъ, Спб. 1865, стр. 40.

А. Бѣлецкаго ¹⁾ указывается, что съ наибольшею готовностью евреи шли въ основанныя правительствомъ школы въ Дерптскомъ и Одесскомъ округахъ, въ глубинѣ-же черты ихъ осѣдлости дѣло распространенія образованія шло значительно медленнѣе. Въ то время какъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ 1 учившійся приходился среднимъ числомъ на 39 жителей, а въ новороссійскихъ на 66,—въ губерніяхъ виленскаго учебнаго округа одинъ учившійся приходился на 190 человекъ, въ юго-западномъ-же краѣ (Кіевск. учеб. окр.) даже на 272. Самыя школы въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ также были малолюдны: въ губерніяхъ первой категоріи въ каждой школѣ состояло 47,7 учащихся, во второй категоріи оно не превышало 28, 2.

Преемники гр. Уварова, въ общихъ чертахъ, раздѣляли воззрѣнія этого министра на образованіе евреевъ, Но они далеко не дѣйствовали, въ данномъ вопросѣ съ тою энергіею и жаромъ, которые сказывались въ отношеніи Уварова къ дѣлу, гдѣ онъ самъ былъ инициаторомъ. Съ началомъ царствованія Александра II интересъ къ преуспѣянію еврейскихъ школъ усиливается. Рядъ указовъ имѣлъ цѣлью возвысить значеніе еврейскихъ преподавателей училищъ, поощрить ихъ, улучшить вообще постановку школьнаго дѣла. Таковы: указъ 7 іюня 1855 г. объ исключительномъ правѣ окончившихъ раввинское училище преподавать еврейскіе предметы по истеченіи 20 лѣтъ; указы 13 мая 1857 г. о дозволеніи евр. учителямъ евр. училищъ носить мундирные фраки и сюртуки министерства народнаго просвѣщеніе; указъ 27 ноября 1861 г. объ освобожденіи ихъ отъ платежа податей и другихъ повинностей,—но особенно важны указъ 4 мая 1859 г. объ улучшеніи учительскаго персонала и обязательномъ обученіи дѣтей еврейскихъ купцовъ и почетныхъ гражданъ, и наконецъ указъ 6 сентября 1862 г. о назначеніи смотрителей еврейскихъ училищъ какъ изъ евреевъ, такъ и христіанъ.

Введеніе обязательнаго обученія для дѣтей зажиточныхъ евреевъ принадлежало къ числу завѣтныхъ стремленій интел-

¹⁾ А. Бѣлецкій, Вопросъ объ образованіи рус. евреевъ въ царствованіе императора Николая I, Спб. 1894, стр. 147—149.

лигентнаго меньшинства евреевъ. Но изданіе этого закона встрѣтило сильную оппозицію со стороны консервативнаго большинства, крайне смущеннаго столь неожиданнымъ для него распоряженіемъ. Вотъ какъ описываетъ (можетъ быть съ излишнимъ экстазомъ, по тѣмъ не менѣе характерно) этотъ замѣчательный моментъ въ исторіи еврейскихъ училищъ извѣстный въ свое время цензоръ Федоровъ, близко знавшій еврейскую жизнь: «Всѣ классы еврейскаго населенія зашевелились. Общества, въ извѣстной степени, стали заискивать благорасположенности представителей школьнаго дѣла. Даже послѣдователи коснѣющаго въ невѣжествѣ падикизма, оставивъ свою обычную партію, начали какъ бы кокетничать съ партією прогресса. Все, казалось, обѣщало вѣрный успѣхъ усиліямъ лучшихъ людей изъ евреевъ поднять уровень образованія своихъ единовѣрцевъ. Но вся поднятая буря утихла, когда министерство народн. просвѣщ. въ объясненіе возникшихъ недоумѣній обнародовало, что подъ именемъ «обязательнаго обученія» слѣдуетъ разумѣть одну *моральную обязанность* cadaго главы семейства давать приличное воспитаніе своимъ дѣтямъ»¹⁾. Понятно, что послѣ такого разъясненія сразу повысившееся число поступавшихъ въ еврейскія начальныя школы снова опустилось. И нельзя, дѣйствительно, не сожалѣть, что эта, единичная въ исторіи русскаго просвѣщенія, попытка ввести обязательное обученіе не была вполне осуществлена, тѣмъ болѣе, что распоряженіе было издано въ довольно удобоисполнимой формѣ: оно касалось только дѣтей *зажиточныхъ* евреевъ и требовало отдачи дѣтей только въ *спеціальныя еврейскія училища*.

Гораздо большее значеніе получилъ въ жизни указъ 6 сентября 1862 г., въ текстѣ котораго читаемъ: «комитетъ объ устройствѣ евреевъ, убѣждаясь, съ своей стороны, что существовавшее доселѣ правило о назначеніи смотрителями училищъ *только лицъ христіанскаго исповѣданія* было одною изъ главныхъ причинъ малаго сочувствія и даже недовѣрія еврейскаго населенія къ симъ училищамъ, и находя, что отмена сего ограниченія могла бы служить дѣйствительною мѣрою къ уве-

¹⁾ Киевлянинъ 1865 № 75.

личенію въ оныхъ числа учениковъ, какъ это доказалъ частный опытъ, допущенный въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, полагалъ назначать смотрителей *изъ евреевъ и христіанъ* ¹⁾. Такое рѣшеніе принято было въ высшихъ сферахъ не безъ колебаній. Возбужденіемъ этого важнаго вопроса русскіе евреи обязаны, главнымъ образомъ, иниціативѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа—Н. И. Пирогова, который и произвелъ упоминаемый въ указѣ опытъ, назначивъ лучшаго изъ тогдашнихъ педагоговъ-евреевъ У. С. Розенцвейга исполнять должность смотрителя. Нѣсколько губернаторовъ высказалось однако противъ такого допущенія евреевъ. На неотложномъ принятіи этой мѣры настаивала и раввинская комиссія 1861 года.—Послѣдствія закона 1862 года скоро сказались. Почти во всѣхъ училищахъ, куда были назначены смотрители - евреи, замѣтно повышается число учениковъ. Изъ собранныхъ въ отчетѣ т. с. Постельса данныхъ ²⁾ видно, что въ продолженіе года или двухъ по появленіи новаго смотрителя число учащихъ удваивалось (Могил. на Днѣстрѣ) или даже утраивалось (Житомирѣ). Въ такихъ отстававшихъ по числу учениковъ школахъ, какъ Винницкая, Балтская, Дубненская,—въ теченіе многихъ лѣтъ насчитывавшихъ не болѣе 25—35 воспитанниковъ,—въ 1870 году было по 70, 80 и даже 100 учащихся, цифры небывалыя въ этихъ мѣстахъ ³⁾.

Обращаясь къ тому, насколько училища выполнили возложенныя на нихъ задачи, приходится прежде всего замѣтить, что одна категорія этихъ школъ, а именно второразрядныя училища, при болѣе близкомъ изслѣдованіи ихъ дѣятельности, оказалась совершенно не имѣющего опредѣленнаго назначенія. Постельсъ указывалъ въ своемъ отчетѣ, что нельзя придавать имъ значенія подготовительныхъ въ гимназію или къ раввинскимъ училищамъ. Не удовлетворяли онѣ и цѣлямъ приготовленія учащихся къ торгово-промышленному дѣлу (къ

¹⁾ В. П. С. З. т. XXXVII № 38641.

²⁾ Постельсъ, стр. 109, 111, 113; ср. Л. Бинштокъ, Вопросъ о евр. училищахъ, Русск. Вѣстн. 1865, кн. XI, стр. 207.

³⁾ Н. Перельштейнъ, Взглядъ на исторію каз. евр. учил. „Разсвѣтъ“ 1880, 38.

чему ихъ преимущественно предназначалъ Уваровъ), ибо — продолжаетъ Постельсъ — «коммерція съ бухгалтеріей въ 3-хъ только классахъ не могутъ быть преподаваемы въ томъ видѣ и объемѣ, какъ требуются для удовлетворительнаго приготовленія учащихся къ торговому дѣлу»¹⁾). Число учащихся въ этихъ училищахъ никогда не было значительнымъ. Въ 1864 году въ Бердичевскомъ второразрядномъ училищѣ ихъ было всего 37, въ Староконстантиновскомъ 18, Винницкомъ — 22, Кишиневскомъ 30 и только въ Одесскомъ 121, но и въ послѣднемъ число оканчивающихъ воспитанниковъ не превышало 6.

Уже въ 1859 г. министерство, убѣдившись въ совершенномъ нерасположеніи евреевъ къ этимъ училищамъ и находя, что расходы на нихъ не оправдываются въ достаточной мѣрѣ, закрыло большинство ихъ, оставивъ школы только въ 5 пунктахъ.

Не могла оправдаться въ дѣйствительности и другая цѣль училищъ, съ самаго начала ложно понятая министромъ Уваровымъ. Мы говоримъ о задачѣ ихъ по искорененію національныхъ и религіозныхъ предрасудковъ, — задачѣ, которая проводилась его преемниками и исполнителями его предначертаній очень настойчиво, даже слишкомъ настойчиво и прямолинейно. Уваровъ, какъ извѣстно, приписывалъ невѣжество русскихъ евреевъ господству Талмуда, который, по его мнѣнію, «развращалъ ихъ и развращаетъ». Уже въ «главныхъ основаніяхъ образованія евреевъ», составленныхъ въ началѣ 40-хъ гг. (но долгое время считавшихся секретными и необнародованныхъ), находимъ мнѣніе Уварова о томъ, что преподаваніе еврейскихъ предметовъ надо стараться постепенно съузить, «нынѣшній образъ ученія еврейской вѣры замѣнить катехизисомъ», Талмудъ ввести только для виду, отклоняя при первой возможности философскія умозрѣнія комментаторовъ; для ослабленія же значенія ихъ ввести преподаваніе древне-евр. языка. Въ цѣляхъ подобнаго воздѣйствія на религіозныя понятія евреевъ, министерство сочло нужнымъ издать рядъ книгъ по еврейскому вѣроученію, исключая изъ нихъ мѣста, проникнутыя по мнѣнію министерства вреднымъ талмудическимъ ученіемъ. Такъ, иждивеніемъ министерства

¹⁾ Отчетъ Постельса, стр. 26.

были напечатаны извлеченія изъ Маймонида, Мишна, Библия, молитвенникъ и азбука съ грамматическими упражненіями. Министерство затратило на эти изданія изъ свѣчнаго сбора болѣе 200000 руб. и сдѣлало употребленіе ихъ въ школахъ и хедерахъ обязательнымъ.

Сама по себѣ мысль объ упрядоченіи религіознаго обученія въ еврейскихъ школахъ заслуживала полнаго вниманія, но — къ сожалѣнію — министерство не нашло въ свое время для проведенія этой мысли подходящихъ людей среди самихъ евреевъ. Немногіе евреи, которыхъ министерство призвало на помощь въ этомъ дѣлѣ, предпочли воспользоваться выгодами отъ столь обширной издательской дѣятельности, мало заботясь о томъ, что изданія ихъ вызываютъ рѣзкія и подчасъ довольно основательныя нареканія ¹⁾. Само правительство безусловно не могло брать на себя въ столь щепетильномъ вопросѣ руководящей роли: оно должно было ограничиться только нѣкоторымъ содѣйствіемъ, поддержкою соотвѣтствующихъ начинаній среди

¹⁾ Главнымъ виновникомъ этого обидія учебной литературы былъ причисленный еще въ 40-хъ годахъ къ министерству нар. проsv. кандидатъ моск. унив. Д. О. Манделъштамъ, которому поручена была „переработка“ священныхъ въ глазахъ евреевъ книгъ. Много говорилось и писалось о Манделъштамѣ. Едва ли справедливо — какъ это дѣлаютъ нѣкоторые — совершенно отрицать заслуги этого дѣятеля предъ русскими евреями; внимательное изученіе эпохи, ближайшее разсмотрѣніе „руководствъ“ и „извлеченій“ свидѣтельствуетъ объ обширныхъ познаніяхъ Манделъштама и его серьезномъ отношеніи къ дѣлу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не задать себѣ вопроса: была ли дѣйствительно надобность — наводнять этими изданіями еврейскія школы?! Надо замѣтить, что языкомъ перевода и объясненій во всѣхъ этихъ книгахъ былъ не русскій языкъ, но нѣмецкій, а это едва ли могло способствовать долговѣчности этихъ книгъ. Далѣе, въ литературѣ указывалось, что подборъ текстовъ и отрывковъ далеко не всегда удаченъ: попадаютъ цѣлыя §§, совершенно недоступныя для дѣтскаго ума или неудобныя въ педагогическомъ отношеніи. Разъ уже дѣлалась сознательная выборка отрывковъ, то была полная возможность избѣжать такихъ мѣстъ. Наконецъ, книги эти обходились въ общемъ разсчетѣ страшно дорого. Изданіе учебника, которое при нормальныхъ условіяхъ должно было потребовать не болѣе 600—800 руб., стоило нѣсколько десятковъ тысячъ. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало эти книги удовлетворяли потребности, можетъ служить тотъ фактъ, что кромѣ перевода Пятикнижія на рус. языкъ, издавнаго помятуе, всѣ прочія изданія Манделъштама давно забыты и вышли совершенно изъ употребленія.

евреевъ, но не выступать съ собственною инициативою: издавать религиозно-догматическія сочиненія, дѣлать обязательныя распоряженія, сокращать и исправлять книги. Это рѣдкій въ исторіи примѣръ попытки со стороны государства заняться изслѣдованіемъ источниковъ вѣроученія одной изъ живущихъ въ его предѣлахъ національностей съ цѣлію исправленія того, что представляется въ этихъ источникахъ неправильнымъ, и излишнимъ. Такая попытка, очевидно, была заранѣе обречена на неуспѣхъ. И дѣйствительно, изданныя министерствомъ книги никогда симпатіями евреевъ не пользовались. Большинство еврейскихъ учителей избѣгало употребленія ихъ. По свидѣтельству т. с. Постельса, посѣтившаго училища въ 1864 году, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитанники сидятъ безъ Библии, «хотя на полкахъ у смотрителей ихъ покоится не мало», а еще больше въ училищныхъ комиссіяхъ и дирекціяхъ училищъ; то же относится, по его словамъ, до книгъ Маймонида и Хайе-Адамъ; покупкою онѣ не приобрѣтаются, да и не предвидится сбыта ихъ когда-либо посредствомъ продажи ¹⁾).

Значительно тормозилъ успѣхъ училищъ и осуществленіе ихъ цѣлей неудовлетворительный *составъ учебной администраціи*, и въ частности смотрители-христіане. Въ смотрители назначались дирекціей народныхъ училищъ «приходскіе учителя, выброски уѣздныхъ училищъ и т. п. личности» ²⁾),—очевидно все люди, которые не могли съ надлежащею серьезностью отнестись къ важности лежавшей на нихъ задачи. Мало того, что они не были знакомы ни съ религиозными вѣрованіями, ни съ потребностями массы, которую они призваны были просвѣщать и воспитывать,—они были еще въ большинствѣ случаевъ преисполнены предубѣжденій по отношенію къ вѣреннымъ имъ питомцамъ. Сохранилось множество рассказовъ о томъ, какъ эти пресловутые просвѣтители русскаго еврейства злоупотребляли своимъ положеніемъ. Разные поборы съ родителей еврейскихъ дѣтей, поддержка меламедовъ; вымогательство у послѣднихъ въ раз-

¹⁾ Постельсъ, Отчетъ стр. 61.

²⁾ Перельштейнъ. Взглядъ на исторію казен. евр. училищъ. Разсвѣтъ 1880 г. № 37; ср. также Постельсъ с. 46.

ныхъ видахъ и формахъ скоро сдѣлались для нихъ обильными статьями дохода. Школа и ея нужды мало интересовали ихъ. Объ образѣ жизни нѣкоторыхъ изъ этихъ смотрителей, ихъ грубости и рѣзости въ обращеніи съ учащимися, современники рассказываютъ самыя невѣроятныя вещи ¹⁾. Очевидно, о какомъ-либо нравственномъ воздѣйствіи подобныхъ менторовъ едва ли можетъ быть рѣчь; еврейское населеніе не питало къ нимъ никакого довѣрія,—и значеніе школы, вслѣдствіе этого, сильно дискредитировалось...

Не стоялъ еще на высотѣ своего призванія и контингентъ первыхъ преподавателей еврейскихъ предметовъ. Въ первое время ихъ и не откуда было брать: большею частію это были недавніе меламеды, сохранившіе и въ новой шкурѣ официальныхъ педагоговъ старинныя приемы и рутину хедера. Правда, въ числѣ этихъ преподавателей находились такія лица, какъ Готлоберъ, Мендельсбургъ, о которыхъ даже строгій и взыскательный директоръ училищъ Волынской губерніи Федоръ Китченко хорошо отзывался. «Готлоберъ—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ ²⁾»,—отличный, опытный, благонамѣренный преподаватель» и тутъ же прибавляетъ: «редкое явленіе между еврейскими педагогами». Когда въ 50-хъ годахъ, на смѣну старымъ преподавателямъ, явились молодыя, свѣжія силы въ лицѣ специально подготовленныхъ въ раввинскомъ училищѣ учителей, то имъ приходилось выдерживать, съ одной стороны, сильную борьбу съ враждебнымъ настроеніемъ христіанскихъ смотрите-

¹⁾ Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ учителей того времени, У. С. Розенцвейгъ, рассказываетъ, что пріѣхавъ впервые ознакомиться съ училищемъ 2-го разряда въ Новоградъ-Волынскій, онъ явился въ это училище въ утренніе часы, надѣясь найти смотрителя и всѣхъ учителей въ сборѣ. Въ учительской комнатѣ за столомъ, покрытымъ длинною скатертью, дѣйствительно сидѣли учителя, но смотрителя не видать было. Въ отвѣтъ на вопросъ, гдѣ смотритель, одинъ изъ учителей поднялъ край скатерти и указалъ на лежавшаго подъ столомъ мужчину, съ краснымъ отъ вина лицомъ, немилосердно храпѣвшаго и разразившагося самою отчаянною руганью, когда его рѣшились побеспокоить. И этого смотритель далеко не былъ исключеніемъ.

²⁾ Нѣсколько подлинныхъ отчетовъ о состояніи еврейскихъ училищъ Волынской губерніи, относящихся къ среднѣмъ 50-хъ годовъ, были доставлены въ наше распоряженіе однимъ изъ бывшихъ преподавателей этихъ училищъ.

лей, съ ихъ индифферентнымъ отношеніемъ къ дѣлу, а съ другой стороны—и съ интригами меламадовъ. И нерѣдко самыя благія намѣренія этихъ молодыхъ пионеровъ, ихъ желанія поставить школу на лучшую ногу, возвысить въ населеніи довѣріе къ ней такъ и не могли быть осуществлены въ силу того, что энергія ихъ разбивалась о противодѣйствіе зрителя и меламадовъ¹⁾. Правда, сами учителя эти благодаря своей неопытности и отчасти легкомыслію, ставили себя иногда, въ ложное положеніе. Такъ, напр., чаще всего имъ ставится въ укоръ, что нѣкоторые изъ нихъ, призванные преподавать предметы вѣроученія, позволяли себѣ въ присутствіи учениковъ или ихъ родителей такія явныя отступленія отъ ритуала, которыя по представленіямъ окружающей среды составляютъ тяжкій смертный грѣхъ. Какъ ни маловажны были сами по себѣ эти проступки (большею частью, ношеніе палки или куреніе въ субботу, нарушеніе законовъ о пищѣ и т. п.), недостаточно осторожное и нетактичное въ этомъ отношеніи поведеніе учителей вело къ серьезнымъ столкновеніямъ, нежелательному обостренію отношеній, — и въ результатѣ опять-таки страдала школа и ея престижъ.

Въ общемъ, уровень учителей изъ воспитанниковъ раввинскаго училища былъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ выше зрителей и преподавателей конца 40-хъ и начала 50-хъ г., — но въ строгомъ смыслѣ слова хорошихъ педагоговъ, педагоговъ по призванію, въ ихъ средѣ было далеко недостаточно. Неудивительно, что большинство оканчивавшихъ курсъ по педагогическому отдѣленію шло не въ учителя, а искало другого примѣненія своимъ знаніямъ. Отъ тонкаго наблюдателя, какимъ былъ обзорѣвавшій еврейскія училища въ 1864 г. Ф. А. Постельсъ, не укрылись недостатки раввинистовъ-педагоговъ. По его словамъ, удовлетворяли требованіямъ только тѣ изъ нихъ, которые при педагогическомъ талантѣ своемъ сами выработали методы и придумали приемы преподаванія. Таковы были,

¹⁾ Интересные примѣры борьбы на этой почвѣ зрителя съ молодыми учителями приведены въ ст. Перельштейна (см. выше), Разсвѣтъ 1880, №№ 37—38 и въ ст. И. М. Бинштока, Гусско-евр. народная школа, Восходъ 1893, кн. X—XI.

между прочимъ, братья Т. и У. Розенцвейги, Н. Перельштейнъ и др.

Другіе — по наблюденіямъ того же Постельса — очевидно, вовсе не были знакомы съ какими-либо педагогическими приёмами: «становится жаль—говоритъ онъ — этихъ учителей, большею частію развитыхъ и полныхъ доброй воли и энергіи, ибо отъ незнанія раціональныхъ способовъ ученія труды ихъ не могутъ увѣнчаться удовлетворительнымъ успѣхомъ¹⁾».

Въ своихъ заключеніяхъ Постельсъ полагалъ поэтому, что необходимо было бы введеніе въ спеціальнѣйшій учительскій курсъ раввинскаго училища преподаванія педагогики и дидактики, а также что должно быть обращено большее вниманіе на практическія занятія воспитанниковъ педагогическаго курса по преподаванію.

Большинство евреевъ, какъ извѣстно, встрѣтило учрежденіе навязанныхъ имъ разсадниковъ просвѣщенія крайне недружелюбно. Во многихъ городахъ, по поводу открытія училищъ, устраивались въ 40-хъ гг. общественные посты и соборныя молитвы; самое слово «школа» сдѣлалось чѣмъ то ненавистнымъ, буквой для дѣтей²⁾. Воспоминанія очевидцевъ изобилуютъ подробностями о томъ, какъ первыхъ «школьниковъ» преслѣдовали на улицахъ насмѣшками, какъ ихъ сторонились и презирали.

Намъ удалось собрать отъ очевидцевъ нѣкоторыя характерныя подробности о томъ, съ какими затрудненіями связано было возникновеніе новыхъ училищъ при подобномъ настроеніи еврейскаго общества. Въ одномъ изъ городовъ сѣверо-западнаго края ждали приѣзда чиновника отъ учебнаго вѣдомства, на котораго возложена была спеціальная миссія — войти съ мѣстнымъ обществомъ въ соглашеніе относительно того, чтобы въ школу отдали десятокъ-другой дѣтей. Когда чиновникъ при-

¹⁾ Отчетъ члена совѣта м-ва народн. просвѣщ. Постельса по обзорнѣи еврейскихъ училищъ, Спб. 1865 г., стр. 16.

²⁾ Нѣкоторое представленіе объ этой эпохѣ и отношеніи евреевъ къ новымъ школамъ даютъ, между прочимъ, талантливые „Очерки прошлаго“ Л. О. Леванды (Спб. 1876).

ѣхаль, его окружила толпа мѣстныхъ евреевъ. Какъ онъ ни бился, какъ ни старался дѣйствовать на нихъ всякими резо-нами, затѣмъ и угрозами, отвѣтъ былъ одинъ: «знать не знаемъ, школесъ не желаемъ»,—фраза, перешедшая впоследствіи въ анекдотическую литературу. Такъ чиновникъ и уѣхаль ни съ чѣмъ... Другой извѣстный намъ случай имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ городовъ Волынской губерніи. Командирован-ный туда чиновникъ вмѣстѣ съ учителемъ-евреемъ наняли квартиру подъ училище 1-го разряда, объявили въ синагогѣ и молебныхъ, что пріемъ въ училище открытъ и что будутъ приняты бесплатно всѣ желающіе. Учениковъ нѣтъ какъ нѣтъ. Чиновникъ является въ синагогу, приноситъ съ собою два ли-ста для подписанія: на одномъ значится — «желаемъ отдавать своихъ дѣтей въ казенное училище»; на другомъ — «не же-лаемъ отдавать своихъ дѣтей въ казенное училище». Начи-нается перекличка, и всѣмъ обывателямъ предлагается по очереди подписывать либо тотъ, либо другой листъ. Евреи мнутя, подписать никто не рѣшается, начинаютъ упрашивать и соглашаются составить для училища контингентъ изъ обез-доленныхъ, бѣднѣйшихъ дѣтей городка. Чтобъ избавиться отъ нареканій начальства, въ нѣкоторыхъ городахъ такихъ мальчиковъ прямо разыскивали, вознаграждали родителей и родныхъ, лишь бы они согласились отдать дѣтей въ училище. Когда, напр., въ Корецѣ, Вол. губ., у одной бѣдной женщины хотѣли взять мальчика и отдать его въ школу, она иначе не соглашалась, какъ подъ условіемъ соотвѣтственнаго вознаграж-денія, и по ея настоянію мѣстная еврейская община купила ей за такую жертву съ ея стороны корову. Впослѣдствіи изъ этого «купленнаго» за корову воспитанника вышелъ толковый студентъ и дѣльный юристъ, заявившій себя серьезными ра-ботами въ области права.

Отъ многихъ смотрителей училищъ и другихъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства просто-на-просто откупались, добивались у нихъ какъ милости, чтобъ они не настаивали на увеличеніи числа поступившихъ въ училище мальчиковъ или на исправ-номъ посѣщеніи послѣдними классовъ ¹⁾

¹⁾ Н. Перльштейнъ. Взглядъ на исторію евр. учил. Разсвѣтъ, 1880, № 37.

Причина столь враждебнаго отношенія къ новымъ школамъ, помимо указанныхъ выше недостатковъ самихъ казенныхъ училищъ, неудовлетворительности педагогическаго персонала и учебной программы,—лежала главнымъ образомъ въ *недоверіи* большинства еврейскаго населенія къ правительству, которое являлось инициаторомъ этихъ школъ. Большинство это, какъ мы уже указывали, опасалось, то школы являются посягательствомъ на еврейскую религію, что воспитанниковъ этихъ школъ обязательно заставятъ современемъ принять православіе¹⁾... Косвенное подтвержденіе такого предположенія видѣли въ одномъ изъ выраженій всеподданнѣйшаго доклада гр. Уварова, гдѣ послѣдній, говоря о приобщеніи евреевъ при помощи школъ къ общему началу гражданственности, сдѣлалъ какой-то неясный намекъ въ томъ смыслѣ, что «религія креста не есть-ли чистѣйшій символъ гражданственности всемірной» (Дополн. къ Сборн. пост. по мин. народн. проsv., Спб. 1867). Изъ этого замѣчанія, врядъ-ли свидѣтельствующаго о какихъ-либо серьезныхъ намѣреніяхъ гр. Уварова и скорѣе всего представляющаго только фразу, своего рода оборотъ рѣчи, выводили самыя смѣлыя предположенія. Предположенія эти, однако, нельзя считать основательными: въ откровенныхъ и продолжительныхъ разговорахъ съ подчиненными, въ томъ числѣ и съ Лиліенталемъ, Уваровъ подробно распространялся о своихъ планахъ, и нигдѣ не сохранилось никакихъ указаній, чтобъ имъ руководили миссіонерскія цѣли. Въ послѣднемъ его подозрѣвали и польскіе, и германскіе евреи²⁾.

Трудно было отрѣшиться отъ такихъ подозрѣній массѣ, выросшей въ тѣсной сферѣ хедера и боявшейся свѣта. Еще труднѣе было ей допустить, что правительство имѣетъ въ виду благо евреевъ: горькій опытъ прошлаго, вѣчныя униженія, не прекращавшееся въ 40-хъ и 50-хъ годахъ изданіе ограничи-

¹⁾ Мандельштамъ, *журн. рпт.*, В. 1878.

²⁾ Уваровъ зналъ объ этихъ подозрѣніяхъ. Въ бытность свою въ Варшавѣ въ 1843 году, онъ торжественно увѣрялъ мѣстныхъ евреевъ, что государь и его ближайшіе сотрудники исключительно имѣютъ въ виду «сообщеніе евреямъ соотвѣтственнаго религіознаго развитія», но отнюдь не цѣли прозелитизма (Iost, *Neuere Geschichte der Israeliten*, Berlin 1847, стр. 312).

вающихъ права евреевъ законоположеній, — все это наводило на мысль, не кроется-ли и въ устройствѣ школъ заднихъ мыслей? Не вѣрилось, чтобъ правительство могло одной рукой миловать, другой карать. А между тѣмъ это именно было такъ: правительство, повидимому, искренно желало просвѣтить евреевъ и улучшить ихъ положеніе, но вмѣсто рекомендованнаго гр. Уваровымъ согласованія въ отношеніи евреевъ всѣхъ частей управленія, оно въ дѣлѣ урегулированія ихъ экономическаго положенія пошло совершенно другимъ путемъ — путемъ репрессій и ограниченій.

Каждое новое ограниченіе, каждая серія выселеній были поэтому фактами, которые не могли не вліять на судьбы неокрѣпшей еще казенной школы и значительно тормозили ея развитіе.

Сравнительный неуспѣхъ правительственныхъ школъ въ значительной степени обуславливался далѣе тѣмъ, что наряду съ ними продолжали существовать—почти въ томъ же видѣ—традиціонныя вѣроисповѣдныя школы, т. е. *хедеры и талмудторы*. Правда, по смыслу того же Положенія 1844 г., вызвавшего къ жизни казенныя еврейскія училища, предполагалось регламентировать преподаваніе въ хедерахъ и преобразовать ихъ такъ, чтобы они возможно болѣе подходили къ типу казенныхъ еврейскихъ училищъ. Для этого меламды были подчинены надзору смотрителей казенныхъ училищъ, должны были вводить у себя изданныя министерствомъ учебныя книги, соблюдать нѣкоторыя правила объ испытаніяхъ и т. п. Но въ дѣйствительности все оставалось по прежнему: меламды или обучали тайкомъ, или входили въ сдѣлки со смотрителями училищъ и полиціей; подтвержденія со стороны высшей власти и рядъ узаконеній ¹⁾, имѣвшихъ цѣлью «всемирно ограничить число сихъ меламдовъ», ни къ чему не приводили. Хедеры оставались все тѣми же, и большинство еврейскаго населенія отдавало имъ преимущество, потому что преподаваніе еврейскихъ предметовъ въ хедерахъ гораздо болѣе удовлетворяло ихъ представленіямъ и потребностямъ. Даже отдавая

¹⁾ См. Сборн. расп. Мин. Нар. Просв. (1850—1864), Спб. 1867, стр. 158, 166, 181.

ребенка въ училище, родители предварительно держали его годъ-другой—обыкновенно даже нѣсколько лѣтъ—въ хедерѣ.

Крайне медленно прогрессировали также существовавшія у русскихъ евреевъ съ незапамятныхъ временъ школы для бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей—талмудъ-торы. Онѣ представляли въ сущности тѣ же хедеры, только съ большимъ количествомъ дѣтей, съ тѣми же меламами, содержимыми лишь на общественный счетъ. Въ нихъ царили тѣ же приемы, что и въ хедерѣ, та же программа, —слишкомъ узкая въ отношеніи общаго образованія и систематическаго знанія іудаизма, слишкомъ широкая въ отношеніи обязательнаго усвоенія малодоступныхъ дѣтямъ богословскихъ трактатовъ.

IV.

Болѣе внимательное отношеніе къ общественнымъ школамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили и внесеніе туда общихъ знаній и внѣшняго порядка начинается лишь съ конца 50-хъ годовъ,—т. е. относится уже къ *третьему* изъ намѣченныхъ нами періодовъ. Одна изъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи принадлежитъ одесскимъ евреямъ. Знаменитый педагогъ 60-хъ годовъ Н. И. Пироговъ посвятилъ даже одесской талмудъ-торѣ очень сочувственную статью ¹⁾. Менѣе рѣшительны были въ преобразованіи талмудъ-торѣ сѣверо—и юго-западные евреи. Недаромъ посѣтившій ихъ въ 1864 году тайный совѣтникъ Постельсъ жалуется, что большинство талмудъ-торѣ произвело на него впечатлѣніе крайне жалкихъ, бѣдныхъ учреждений, что «успѣхи по общимъ предметамъ въ немногихъ только талмудъ-торахъ могутъ считаться удовлетворительными» ²⁾, что ни въ одной изъ нихъ не введены обученія ремесламъ, что по окончаніи «предоставленныя самимъ себѣ дѣти бѣдствуютъ и проводятъ время въ гибельной для нихъ праздности» ³⁾. Всего такихъ талмудъ-торѣ насчитывалось официально нѣсколько десятковъ, хотя въ дѣйствительности чуть-ли не въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ черты, какъ и теперь,

¹⁾ Н. И. Пироговъ, Собр. литер. статей, Одесса 1858. г., стр. 48—61.

²⁾ Отчетъ Постельса, стр. 83.

³⁾ Тамъ же стр. 84.

имѣлся на лицо общественный хедеръ съ бесплатными воспитанниками, но хедеръ этотъ считался *частнымъ* заведеніемъ, если только удавалось скрывать таковое обстоятельство отъ власть имущихъ.

Развитію едва зародившейся *частной и общественной инициативы* въ школьномъ дѣлѣ особенно противодѣйствовали тѣ группы еврейскаго населенія, которымъ и во второй описанный выше періодъ быстрое распространеніе образованія среди дѣтей было не по душѣ. Меламды не были, разумѣется, друзьями новыхъ училищъ, въ которыхъ они видѣли и опасную для хедера конкуренцію и источникъ постоянныхъ для себя преслѣдованій. За одно съ меламдами были и другіе представители ортодоксальнаго большинства, для которыхъ просвѣщеніе представлялось мало желательнымъ. Такъ, новыя школы имѣли ожесточенныхъ противниковъ въ лицѣ различныхъ функціонеровъ еврейской общины (морегероэсъ, магидовъ, шохетовъ, синагогальныхъ старостъ и служекъ, и т. д.). Сильно боролись противъ успѣховъ просвѣщенія главари хасидовъ—цадики—въ юго-западномъ краѣ. Наконецъ, наиболѣе непримиримыми врагами новыхъ школъ оказались во многихъ мѣстахъ вліятельные и богатые представители еврейскихъ обществъ: опасались ли они, что, по мѣрѣ развитія образованія среди евреевъ, неминуемо должно падать ихъ вліяніе, чуяли-ли въ нарождающейся интеллигенціи будущую оппозицію, стремились ли усилить свою популярность тѣмъ, что дѣйствовали въ духѣ массы и ея духовныхъ вождей—какъ бы то ни было—они, т. е. крупные торговцы, откупщики-богачи того времени явились главными выразителями протеста противъ новыхъ училищъ. Ихъ проискамъ слѣдуетъ, повидимому, приписать столь быструю и неожиданную отмѣну обязательнаго обученія дѣтей купцовъ и почетныхъ гражданъ ¹⁾; благодаря имъ въ министерствѣ не сходилъ съ очереди вопросъ—*быть или не быть* еврейскимъ училищамъ? Наконецъ, они же—какъ оказывается по новѣйшимъ свѣдѣніямъ—способствовали, въ значительной степени, упраздненію этихъ училищъ въ 1873 году. Даже наиболѣе

¹⁾ См. выше, гл. III.

бывалые и культурные изъ нихъ, подолгу жившіе въ Петербургѣ и совершавшіе здѣсь громадныя денежные обороты, выступали съ такою же враждебною новымъ школамъ тенденціею. Такъ, въ 1858 году за подписью 10—12 находившихся въ то время въ С.-Петербургѣ купцовъ 1-й гильдіи поданъ былъ высшей администраціи рядъ объяснительныхъ записокъ, въ которыхъ проводилась мысль, что главныя усилія правительства по распространенію образованія среди евреевъ должны быть направлены къ привлеченію евреевъ въ общія учебныя заведенія — среднія и высшія — путемъ расширенія правъ окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ, путемъ установленія стипендій, освобожденія отъ платы бѣдныхъ еврейскихъ юношей и т. д. Что же касается начальнаго образованія, то вмѣсто того, чтобы основывать для этой цѣли спеціальныя училища, правительство должно, по ихъ мнѣнію, предоставить евреямъ свободно обучаться въ традиціонныхъ хедерахъ предметамъ своего вѣроученія, а общей грамотѣ—гдѣ угодно, только не въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, существованіе которыхъ представлялось имъ совершенно излишнимъ. Авторы петицій, очевидно, сознавали, что немногіе евреи съ университетскимъ образованіемъ для нихъ не страшны, да и число ихъ не можетъ быстро расти. Но развитіе грамотности среди болѣе широкихъ слоевъ еврейской массы, да еще правильное, систематическое, не мало смущало ихъ... Однако, въ правительственныхъ сферахъ не вняли этимъ искусно замаскированнымъ стремленіямъ, и радѣтели старины еще не разъ вполнѣдствіи взывали къ властямъ объ упраздненіи школъ и свободѣ хедера. Отголоски этихъ воззрѣній слышатся въ заявленіяхъ нѣкоторыхъ членовъ раввинской комиссіи 1861 года, въ запискахъ, поданныхъ впродолженіе 1861—1869 кievскому и виленскому генералъ-губернаторамъ, а въ началѣ 70-хъ годовъ—представителямъ учебнаго вѣдомства; эти послѣднія заявленія, какъ увидимъ ниже, возымѣли, наконецъ, свое дѣйствіе и были роковыми для казенныхъ училищъ.

Наряду съ казенными училищами печальную участь учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ началѣ описываемаго періода безъ сочувствія большинства еврейскаго населенія и поддерживаемыхъ

преимущественно поддержкою со стороны правительственныхъ органовъ и немногихъ просвѣщенныхъ людей, раздѣляли возникавшія въ разныхъ мѣстахъ *частныя еврейскія училища*. Тайный совѣтникъ Постельсъ съ особою похвалою отзывается ¹⁾ о мужскихъ школахъ гг. Пухера въ Митавѣ, Милькеса, Кенигсберга и Вайнштейна въ Бердичевѣ, высказывая пожеланіе, чтобъ еврейскіе родители давали такимъ заведеніямъ «преимущество предъ хедерами,—и чтобы правительство оказало имъ денежную поддержку» ²⁾. Такою поддержкою пользовались уже къ срединѣ 60 хъ годовъ *частныя женскія* еврейскія училища. Ихъ насчитывалось тогда около 30, и 26 изъ нихъ пользовались пособіями изъ суммъ свѣчнаго сбора въ размѣрѣ 150 до 700 рублей, всего на сумму 10700 руб. въ годъ. Эти женскія училища служили преимущественно интересамъ болѣе состоятельныхъ классовъ; на постановку еврейскихъ предметовъ въ нихъ тогда не обращалось должнаго вниманія, но относительно общихъ предметовъ—какъ въ повременныхъ изданіяхъ того времени, такъ и у Постельса—находимъ весьма лестные отзывы. Оригинальную попытку дешевой организаціи женскаго начального образованія — и преимущественно для дѣвочекъ бѣднаго класса — представляютъ смѣны, устроенныя при казенныхъ мужскихъ училищахъ въ Вильнѣ и Ковнѣ для обученія русскому языку и ариметикѣ. Инициатива этихъ смѣнъ исходила отъ высшей администраціи края ³⁾.

¹⁾ Отчетъ по обозр. евр. училищъ, Спб. 1865, стр. 69—71.

²⁾ Такая поддержка оказана была въ свое время училищамъ, учрежденнымъ въ 1867 г. въ С.-Петербургѣ Л. Я. Берманомъ. Училища эти, между прочимъ, выдѣлялись изъ среды другихъ заведеній подобнаго рода болѣе рациональнымъ преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ, при чемъ число часовъ, отведенныхъ на эти предметы, было довольно значительно. Училища были также долгое время хорошо обставлены въ отношеніи подбора преподавателей и постановки воспитательной части. Въ концѣ 70-хъ годовъ, съ того момента, какъ учредитель этихъ школъ по болѣзни удалился отъ фактическаго управленія ими, въ исторіи ихъ наступаетъ переходное время, закончившееся въ 1894—1895 гг. передачею ихъ отъ наследниковъ Л. Я. Бермана Обществу распротр. просвѣщ. между евреями въ Россіи. См. брошюру: *Л. Берманъ, С.-Петерб. евр. училища. Отчетъ за первыя 15 лѣтъ ихъ существованія*, СПб. 1885; а также Нед. Хр. Восх. 1894, № 24, 25, 35; 1895, 22 и др.

³⁾ Отчетъ Постельса, стр. 67, 68.

По инициативѣ той же администраціи, въ нѣсколькихъ пунктахъ с.-в. края положено было начало новому типу начальныхъ училищъ — *школамъ грамотности* для еврейскихъ дѣтей. Содержаніе этихъ школъ обходилось сравнительно дешево, такъ какъ онѣ пользовались обыкновенно готовыми помѣщеніями существующихъ казенныхъ училищъ въ неучебные часы; здѣсь преподавали только основы русской грамоты, не заботясь нисколько о томъ, гдѣ дѣти проводятъ утренніе часы и какъ происходитъ обученіе въ хедерахъ. Экстренныя мѣры по устройству подобныхъ школъ грамотности, внѣ общей системы училищъ, обуславливались обрусительной политикой, которой держались послѣ событій 1863 года администраторы края. Такая постановка этихъ школъ шла, очевидно, въ разрѣзъ съ исходными началами уваровской реформы, такъ какъ послѣдняя, наряду съ общеобразовательными цѣлями, ставила себѣ также задачею постепенно замѣнить хедеръ и свойственную ему систему преподаванія еврейскихъ предметовъ чѣмъ либо болѣе рациональнымъ. Указанное отступленіе было, впрочемъ, далеко не единственнымъ.

Сомнѣнія въ цѣлесообразности уваровскихъ начинаній слышатся уже во многихъ официальныхъ бумагахъ и частныхъ заявленіяхъ того времени. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ происходитъ закрытіе ряда казенныхъ училищъ, — учебное вѣдомство перестаетъ настаивать на точномъ выполненіи программъ еврейскихъ предметовъ, не дѣлаетъ по собственному почину ни одной попытки осуществить мысль о профессиональныхъ классахъ при основанныхъ училищахъ. При всемъ томъ, уваровская система не рухнула бы такъ быстро; еслибы среди самого еврейскаго общества, еслибы среди его интеллигентныхъ представителей оказалось болѣе или менѣе значительное число поборниковъ этой системы и нашлось достаточно общественной инициативы въ томъ же направленіи.

Но ряды русско-еврейской интеллигенціи были немногочисленны. То немногое, что она успѣла осуществить въ 60-хъ годахъ, заслуживаетъ, правда, вниманія, но среди общаго равнодушія, среди общаго разочарованія въ плодотворности Положенія 1844 г. эти начинанія оставались безъ подражанія, а

вызванныя ими къ жизни учрежденія долгое время влчили жалкое существованіе.

Къ числу такихъ проявленій общественной инициативы слѣдуетъ отнести, между прочимъ, учрежденіе субботнихъ школъ, ремесленныхъ училищъ, основаніе въ С.-Петербургѣ «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи», первыя проявленія дѣятельности этого Общества на пользу начального еврейскаго образованія, попытки отдѣльныхъ лицъ и кружковъ въ провинціи преобразовывать мѣстныя талмудъ-торы, бесплатно обучать бѣднѣйшихъ мальчиковъ, преимущественно ешиботниковъ, устройство библіотекъ для чтенія и т. п. Въ значительной степени дѣятельность еврейской интеллигенціи въ этомъ направленіи является отраженіемъ общаго настроенія той эпохи русской жизни, эпохи 60-хъ годовъ, когда интересы народнаго образованія выдвинуты были на первый планъ и лучшіе русскіе люди посвящали народной школѣ всѣ свои силы. Внимательно слѣдившая за теченіями русской общественной мысли еврейская молодежь не могла не примкнуть къ этому движенію. вмѣстѣ съ тѣмъ, рядъ благопріятныхъ по отношенію къ евреямъ мѣръ вызывалъ среди еврейской интеллигенціи извѣстный подъемъ духа и внушалъ имъ больше увѣренности въ успѣхъ ихъ дѣятельности. Разумѣется, въ интересахъ цѣлесообразности, они стремились приноровить школу къ ближайшимъ потребностямъ русскихъ евреевъ.

Особенно интересное явленіе представляли собою такъ наз. *субботнія школы*, дѣйствовавшія какъ бы параллельно съ возникавшими въ то время воскресными школами. Субботнія школы открывались обыкновенно бывшими воспитанниками раввинскихъ училищъ—раввинами или учителями казенныхъ училищъ, а также другими интеллигентными дѣятелями. Обучали въ нихъ приходящихъ слушателей русской грамотѣ и предметамъ еврейской вѣры. Доступъ былъ открытъ всякому возрасту; содержались онѣ большею частью на средства организовывавшаго ихъ кружка молодежи. Ортодоксы недружелюбно смотрѣли на процвѣтаніе этихъ школъ, въ которыхъ попадались и бородастые евреи, приходившіе по субботамъ слушать изъ устъ «раввиннистовъ» переводы своихъ религіозныхъ книгъ, а по другимъ

днямъ обучаться русскому чтенію и письму. Нѣкоторые слушатели успѣвали въ теченіе года научиться русской и нѣмецкой грамотѣ. Были примѣры, что, вступая затѣмъ въ магазины или конторы на мѣста, они уже могли пускать прибрѣтенныя познанія въ ходъ, получали большее жалованіе. Еврейское населеніе, такимъ образомъ, воочію убѣждалось въ практическомъ значеніи этихъ школъ. Первая изъ такихъ школъ возникла въ Одессѣ¹⁾. Здѣсь эта школа не встрѣтила, однако, столько противниковъ, сколько основанная въ другихъ пунктахъ—Бердичевѣ,²⁾ Житомирѣ,³⁾ Полтавѣ,⁴⁾ Минскѣ⁵⁾ и др. Повидимому, это противодѣйствіе сильно обезкуражило учредителей субботнихъ школъ, и къ 70-мъ годамъ большинство ихъ прекращаетъ свое существованіе.

Болѣе сочувствія въ еврейской средѣ встрѣчало открытіе *ремесленныхъ школъ*. Одна изъ такихъ школъ открыта была 1 мая 1862 г. въ Житомирѣ. Кромѣ общеобразовательныхъ и еврейскихъ предметовъ, здѣсь преподавались черченіе, общія понятія о геометрическихъ фигурахъ и ихъ соотношеніяхъ и общія свѣдѣнія изъ механики, химіи, технологіи и физики въ примѣненіи къ ремесламъ, въ размѣрѣ, соответствующемъ потребностямъ ремесленниковъ. Практическія занятія должны были состоять въ обученіи ремесламъ: кузнечному, столярному, токарному, мѣдному и жестяному дѣлу. Былъ установленъ строгій надзоръ и контроль за ходомъ дѣла въ училищѣ со стороны дирекціи житомирскаго раввинскаго училища; воспитанники должны были по окончаніи курса заниматься два года у мастеровъ или на заводѣ и затѣмъ лишь, по исполненіи пробной работы, удостоивались званія мастера. Къ завѣдыванію хозяйственною частью училища привлечены были и представители еврейскаго общества; главнымъ источникомъ содержанія учи-

¹⁾ См. брошюру: „Первое субботнее училище для еврейскихъ мальчиковъ ремесленнаго и торговаго классовъ, учрежденное въ 1859 г. д-ромъ А. И. Гольденблюмомъ. Одесса 1861 г.

²⁾ Кіевлянинъ 1866, №№ 60 и 67, ср. таже Сіонъ 1861, № 22.

³⁾ Сіонъ 1861 г. № 34—письмо Л. М. Бинштока.

⁴⁾ Прилож. къ Гакармелю 1861, №№ 46 и 47.

⁵⁾ Сіонъ 1861, 22, 34—письмо З. Минора.

лица былъ коробочный сборъ. Житомирское ремесленное училище не свободно было отъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ программѣ, а также недочетовъ въ выполненіи послѣдней, но, въ общемъ, функционировало съ успѣхомъ, вызывая одобрительные отзывы какъ со стороны официальныхъ лицъ ¹⁾, такъ и прессы и частныхъ лицъ ²⁾. Не столь удачны были на первыхъ порахъ результаты дѣятельности другого профессиональнаго училища, возникшаго также на югѣ и въ настоящее время являющагося однимъ изъ лучшихъ [въ своемъ родѣ. Мы говоримъ объ одесскомъ училищѣ «Трудъ». Программа и курсъ этого заведенія были разработаны по образцу лучшихъ профессиональныхъ школъ. Завѣдываніе училищемъ организовано было исключительно на началахъ *общественныхъ*: училище содержалось особымъ «обществомъ для распространенія ремесленныхъ знаній между евреями въ Одессѣ», основаннымъ въ срединѣ 1864 года и избравшимъ періодически составъ правленія. Быть можетъ, въ первое время правленіе Общества не совсѣмъ справлялось съ возложенною на него задачею; быть можетъ, по новизнѣ дѣла правильная организація такого учрежденія дѣйствительно представляла трудности, ³⁾—но тернистый путь, который пройденъ былъ руководителями заведенія въ первые 10—15 лѣтъ, послужилъ заведенію на пользу въ его дальнѣйшемъ развитіи, давъ болѣе прочную основу какъ для его преобразованія, такъ и для другихъ возникавшихъ по образцу его заведеній.

Почти одновременно съ обществомъ «Трудъ», задавшимъ специальною цѣлью содѣйствовать развитію *ремесленнаго* образованія и ограничившимъ свой районъ дѣйствія Одессою, въ Петербургѣ возникло другое Общество, которое ставило себѣ болѣе широкія цѣли и стремилось распространить свою

¹⁾ Отчетъ Постельса, стр. 78—82.

²⁾ Визитокъ, о житомирск. евр. ремесл. учил. Волынск. Губ. Вѣд. 1867, №№ 7—11; см. также отчетъ раввина И. Кулишера въ „Дѣлѣ“ 1871, №№ 15—17 и др.

³⁾ Извлеченіе изъ исторической записки о двадцати-пятилѣтней дѣятельности общества „Трудъ“. Одесса 1889, стр. 4—5 и слѣд. См. также ст. Гр. Б.: Исторія Общества „Трудъ“ въ „Рус. Еврей.“ 1879, 16, 17.

дѣятельность на всѣхъ живущихъ въ Россіи евреевъ. Несомнѣнно, что при тогдашнемъ положеніи вещей въ специальномъ обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи чувствовалась серьезная потребность. Учредители Общества, повидимому, исходили изъ самыхъ благихъ намѣреній, ставя себѣ цѣлью «способствовать распространенію между евреями русскаго языка, издавать полезныя сочиненія и поощрять пособіями юношество, посвящающее себя наукамъ» (ст. 1 Устава). Все это—задачи весьма почтенныя и важныя, и первые дѣятели Общества, по мѣрѣ силъ и разумнѣнія, работали для достиженія указанныхъ цѣлей. Что касается начальныхъ школъ, учредители не выговорили, къ сожалѣнію, для Общества столь существеннаго права, какъ *право основанія новыхъ школъ*. Съ этимъ пробѣломъ «Устава» впоследствии не разъ приходилось считаться, такъ какъ для расширенія дѣятельности Общества на пользу начального образованія и развитія въ этомъ направленіи общественной самодѣятельности, отсутствіе подобнаго права являлось большимъ тормозомъ. Кто знаетъ, сколько хорошихъ общественныхъ школъ русскіе евреи имѣли бы уже въ настоящее время, если бъ за Обществомъ еще въ годъ его основанія—1863 году—признано было право имѣть свои школы. Особую печать на всю послѣдующую дѣятельность общества въ пользу начальныхъ школъ наложилъ самый *составъ* его первыхъ учредителей и руководящихъ дѣятелей. Нѣкоторые изъ нихъ выработали себѣ довольно своеобразные взгляды на желательный ходъ развитія образованія евреевъ въ Россіи. По ихъ мнѣнію,—какъ мы видѣли выше—болѣе всего вниманія заслуживало поощреніе высшаго образованія; въ отношеніи же низшаго образованія они, защищая хедеръ, высказывались даже частнымъ образомъ, что въ специальной еврейской школѣ нѣтъ особой надобности, что распространеніе общей грамотности въ еврейской массѣ имѣетъ свои неудобныя стороны, и т. п. Правда, комитетъ общества не разъ повторялъ въ своихъ отчетахъ, что «еврейскія училища составляютъ предметъ его постоянной заботливости», и что «комитетъ не перестаетъ отстаивать существованіе еврейскихъ

училищъ», ¹⁾—но въ дѣйствительности итоги перваго десятилѣтія дѣятельности общества въ области *начальнаго* образованія крайне незначительны. Среднимъ числомъ, комитетъ общества тратилъ въ эти годы на снабженіе школъ новременными изданіями и учебными пособіями по 260 рублей въ годъ,—не больше! Экстренныя пособія выдавались крайне рѣдко. Единственно, въ чемъ Комитетъ проявлялъ болѣе рѣшительности, это въ собираніи данныхъ о состояніи школьнаго дѣла и представленіи, на основаніи ихъ, соотвѣтствующимъ ходатайствамъ предъ учебнымъ вѣдомствомъ. Такъ, почти на зарѣ своей дѣятельности, въ 1865 г., Комитетъ возбудилъ, между прочимъ, ходатайство о сохраненіи казенныхъ еврейскихъ училищъ и частичномъ ихъ улучшеніи ²⁾. Какова была судьба этого ходатайства: не было ли оно достаточно поддержано, или нѣкоторые дѣятели Общества измѣнили свои взгляды на этотъ вопросъ, намъ неизвѣстно. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что когда Общество должно было вступить во второе десятилѣтіе своей дѣятельности, казенныя училища подверглись уже, на основаніи Высочайшаго указа 16 марта 1873 года, коренному преобразованію,—къ сущности котораго те перь и переходимъ.

V.

Самъ по себѣ законъ 16 марта 1873 года,—уничтожившій два могучихъ расадника просвѣщенія и около сотни начальныхъ школъ, и взамѣнъ ихъ давшій два вяло дѣйствовавшихъ и не совсѣмъ правильно поставленныхъ учительскихъ института съ десяткомъ другихъ казенныхъ училищъ новой системы,—не можетъ въ исторіи еврейскихъ школъ имѣть значенія *положительнаго* факта. Роль его была отрицательнаго свойства, но съ теченіемъ времени она привела къ положительнымъ результатамъ. Разомъ сокративъ число казенныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, законъ 1873 года послужилъ, съ одной стороны, новымъ стимуломъ къ привлеченію евреевъ въ общія учебныя заведенія, съ другой стороны, заставилъ еврейскую интеллигенцію задуматься надъ созданіемъ иного типа школъ,—

¹⁾ Отчетъ О. Р. П. м. е. за 1865 г., Спб. 1866, стр. 24.

²⁾ Тамъ же, стр. 25.

надъ организаціею *общественныхъ* училищъ. Положеніе 1873 года, распространявшееся только на казенныя училища, косвенно содѣйствовало и возникновенію *частныхъ* школъ, шедшихъ на встрѣчу продолжавшей существовать потребности въ спеціально-еврейской начальной школѣ.

Какъ видно изъ обширной объяснительной записки къ закону 1873 года ¹⁾, первое изъ упомянутыхъ послѣдствій (поступленіе евреевъ въ общія школы) входило вполнѣ въ разсчеты учебнаго вѣдомства. Министерство исходило въ этой запискѣ изъ того убѣжденія, что «еврейскія училища съ двумя раввинскими во главѣ, *отживши свой вѣкъ и переживши свою задачу, никому болѣе не нужны*, такъ какъ въ общія учебныя заведенія—городскія училища и гимназіи—еврейскія дѣти поступаютъ помимо сказанныхъ училищъ». ²⁾

Указанные мотивы едва ли были правильны. Прежде всего, самый фактъ поступленія значительной части еврейскихъ дѣтей въ гимназіи и реальныя училища, не только не свидѣтельствуетъ о «ненужности» особыхъ еврейскихъ училищъ, но даже косвенно подтверждаетъ ихъ необходимость, такъ какъ въ началѣ 70-хъ годовъ большинство учениковъ-евреевъ поступало не прямо въ среднія учебныя заведенія, а переходило туда изъ еврейскихъ училищъ. Насколько основательно было заявленіе о томъ, что особыя еврейскія училища «отжили свой вѣкъ и пережили свою задачу», — видно уже изъ того, что число такихъ училищъ въ продолженіе всего послѣдующаго періода (1873—1894) не переставало расти. Открывъ въ 70-хъ годахъ только десятка три казенныхъ начальныхъ училищъ, — въ общемъ немногимъ отличавшихся отъ прежнихъ училищъ 1-го и 2-го разряда, — попечители учебныхъ округовъ неоднократно убѣждались, что количество это совершенно недостаточно. И вотъ постепенно, отчасти по ходатайству мѣстныхъ обществъ, отчасти по усмотрѣнію учебной администраціи, возникаютъ все новыя «начальныя училища». Въ срединѣ 80-хъ годовъ ихъ насчитывается уже 45 (въ Виленскомъ учебн. окр. 24, въ Кіевскомъ—15, въ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873, кн. IV.

²⁾ Тамъ же, стр. 58.

Одесскомъ 6). Правда, въ 80-хъ и 90-хъ гг. казенныя училища открываются уже съ большою осторожностью и крайне неохотно, но все таки къ началу 90-хъ гг., по послѣднимъ даннымъ, ихъ оказывается уже около 60. Мало того: убѣдившись, что масса еврейскихъ дѣтей, при существующемъ числѣ училищъ, однако, остается внѣ школьнаго обученія и въ общія учебныя заведенія не поступаетъ, управленіе виленскаго учебнаго округа продолжало основывать для такихъ дѣтей нѣчто въ родѣ суррогата начальныхъ еврейскихъ училищъ—такъ наз. «народныя еврейскія училища», переименованныя изъ бывшихъ «школъ грамотности», возникшихъ еще при генералъ-губернаторѣ Муравьевѣ (см. выше). Всего такихъ народныхъ училищъ, благодаря содѣйствию стоявшаго все время во главѣ округа т. с. Н. А. Сергіевскаго, открыто было до 20. Очевидно, не оправдывались предположенія авторовъ записки 1873 г., которые думали, что евреи будутъ отдавать дѣтей въ общія школы. Всѣ соображенія, какія приводились въ пользу особыхъ еврейскихъ школъ въ 40-хъ годахъ, были еще въ полной силѣ въ 1873 году. Многіе евреи юго-западнаго края, а еще болѣе сѣверозападнаго края, по прежнему, даже и въ казенныя еврейскія училища неохотно отдавали дѣтей, и либо довольствовались талмудъ-торой или частнымъ училищемъ, либо—какъ дѣлало подавляющее большинство—предпочитало всему хедеръ ¹⁾.

Еще оцутительнѣе становится потребность въ специальныхъ еврейскихъ училищахъ съ изданіемъ новыхъ правилъ 1887 г., въ силу которыхъ приѣмъ евреевъ былъ значительно ограниченъ и доступъ въ среднія учебныя заведенія дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей почти совершенно закрытъ. Какъ извѣстно, значительная часть еврейскихъ дѣтей, какъ и дѣтей неевреевъ, не шла далѣе II—III класса гимназій, и получала, значить, и въ гимназіяхъ *начальное* образованіе. Число евреевъ

¹⁾ Матеріалъ для такого вывода даютъ, съ одной стороны, цифры учащихся въ хедерахъ (по отчету Кіевскаго учебн. окр. за 1894 г., официальныхъ хедеровъ въ краѣ насчитывалось свыше 3100 съ 35000 учащимися; въ Виленскомъ округѣ цифра хедеровъ едва ли менѣе)—съ другой—корреспонденція евр. газетъ, полныя непрерывныхъ жалобъ въ этомъ смыслѣ.

въ общихъ приходскихъ, министерскихъ или уѣздныхъ школахъ никогда не было особенно велико и замѣтно стало падать съ появленіемъ новыхъ вѣяній въ срединѣ 80-хъ гг., такъ какъ смотрители этихъ училищъ стали дѣлать еврейскимъ дѣтямъ затрудненія въ приѣмѣ. Наконецъ, возникавшія въ большомъ количествѣ съ середины 80-хъ годовъ церковно-приходскія школы также не мало способствовали отдаленію евреевъ отъ общихъ разсадниковъ начального образованія. Такимъ образомъ, если даже исходить только изъ того положенія, что особы еврейскія училища нужны были лишь какъ *общеобразовательныя* школы, какъ временная мѣра для привлеченія евреевъ въ общія среднія и высшія учебныя заведенія или, скажемъ, для *постепеннаго* распространенія среди нихъ русской грамоты и сближенія ихъ съ кореннымъ населеніемъ, то потребность въ такихъ школахъ, очевидно, къ срединѣ 70-хъ и 80-хъ гг. была довольно сильна. И въ послѣднее время потребность эта не только не исчезла, но даже (въ виду упомянутыхъ правилъ 1887 года) ощущалась съ большею силою, чѣмъ когда-либо.

Но наряду съ общеобразовательными цѣлями еврейской школы нельзя упускать изъ виду и другой цѣли, которую—какъ указано выше—ставили себѣ Уваровъ и его сотрудники, призывая къ жизни особы еврейскія училища. Цѣль эта довольно категорически и ясно формулирована въ объяснительной запискѣ 1873 года. Учрежденіе еврейскихъ училищъ по Положенію 1844 г. вызвано было—говорится въ этой запискѣ—«необходимостью *вывести какъ общее, такъ и частное или домашнее еврейское образованіе изъ того ненормальнаго состоянія, въ которомъ оно находилось въ специальныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ наименованій—талмудъ-торахъ, хедерахъ, ешиботахъ и клаузахъ или бесъ-медрешахъ*». Имѣлось въ виду изъять начальное еврейское обученіе изъ рукъ «особыхъ—какъ говорится далѣе—непризванныхъ и между евреями не пользующихся почетомъ, частныхъ еврейскихъ педагоговъ-меламедовъ, произвольно присвоившихъ себѣ право обученія еврейскихъ дѣтей съ самаго нѣжнаго возраста, безъ всякаго ручательства въ образѣ мысли и часто безъ малѣйшихъ способно-

стей къ исполненію своихъ обязанностей» ¹⁾. Вполнѣ правильное пониманіе основныхъ цѣлей уваровской реформы не спасло авторовъ объяснительной записки отъ страннаго заключенія. Авторы полагаютъ, что для того, чтобы «дѣйствительно парализовать практику невѣжественныхъ меламдовъ и отвлечь отъ нихъ учениковъ», нѣтъ надобности созидать систему школъ съ правильно организованнымъ при нихъ преподаваніемъ еврейскаго вѣроученія. По ихъ мнѣнію, въ этихъ видахъ достаточно будетъ «учредить при школахъ новаго типа приготовительные классы». Но что же давали эти приготовительные классы? Единственный отвѣтъ на поставленный вопросъ содержитъ ст. 38-я «Положенія 1873 года», согласно которой въ приготовительномъ классѣ, кромѣ русскаго языка и ариметики, вводилось также преподаваніе древне-еврейскаго языка и объясненіе первой книги Пятикнижія. Очевидно, курсъ подобнаго объема оказался съ самого начала—и, къ сожалѣнію, оказывается еще до сихъ поръ—далеко *недостаточнымъ*. Если прибавить къ этому, что согл. ст. 42 преподаваніе еврейскихъ предметовъ, въ отличіе отъ общихъ предметовъ, происходитъ въ новыхъ училищахъ въ *послѣобѣденные часы*, а также, что согласно прим. къ 42 ст. Положенія, преподаваніе еврейскихъ предметовъ необязательно и желающіе изучать названные предметы у себя дома отъ посѣщенія уроковъ этихъ предметовъ въ училищѣ освобождаются,—то станетъ очевиднымъ, какъ неудовлетворительно поставлено было въ новыхъ училищахъ преподаваніе еврейскихъ предметовъ. Неудивительно, что при такомъ положеніи вещей, для казенныхъ училищъ оказалось совершенно не подъ силу — быть серьезнымъ факторомъ въ борьбѣ съ тѣми допотопными методами обученія еврейскихъ предметовъ, которые практикуются меламдами. Для успешныхъ результатовъ борьбы съ меламдами на этой почвѣ, необходимо было также, чтобы преподаватели еврейскихъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ имѣли болѣе или менѣе законченную подготовку по упомянутымъ предметамъ. Но творцы Положенія 1873 года и объ этомъ не позаботились.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873, кн. IV, стр. 32.

Возникшіе въ силу того же Положенія 1873 года учительскіе институты далеко не удѣляли еврейскимъ предметамъ того вниманія, какого они по справедливости заслуживали бы въ заведеніи, откуда должны выходить будущіе народныя еврейскіе учителя и преподаватели еврейскаго вѣроученія. Для поступающихъ въ институтъ 16-лѣтнихъ юношей установлены были очень скромныя требованія относительно знаній по этимъ предметамъ: въ размѣрѣ не болѣе курса однокласснаго начального училища. Затѣмъ, въ теченіе 4 лѣтъ, на еврейскій языкъ, объясненіе Библии, еврейскій законъ вѣры, библейскую исторію и исторію евреевъ побиблейскую—удѣлено было только въ I классѣ изъ 28 уроковъ 10, въ II и III по 8, въ IV изъ 16—5. При столь незначительномъ запасѣ знаній ко времени поступленія въ институтъ и столь ограниченномъ числѣ часовъ въ продолженіе самаго курса разумѣется, воспитанникамъ трудно было приобрѣсть болѣе или менѣе законченный кругъ знаній по этимъ предметамъ...

Судьба учительскихъ институтовъ въ теченіе обозрѣваемаго періода была вообще довольно печальною. Во главѣ виленскаго института, а впослѣдствіи житомирскаго, стоялъ долгое время человекъ, нисколько не скрывавшій своего пренебрежительнаго отношенія къ евреямъ, постоянно ставившій воспитанникамъ на видъ ихъ еврейское происхожденіе и крайне недружелюбно относившійся къ преподавателямъ-евреямъ ¹⁾. Вспыльчивый и рѣзкій по натурѣ, односторонній по своимъ взглядамъ, совершенно несвѣдущій въ спеціально-еврейскихъ предметахъ, этотъ педагогъ (директоръ Котельниковъ) менѣе всего способенъ былъ поставить институты на надлежащую высоту и сообщить будущимъ преподавателямъ ту любовь къ дѣлу и вѣру въ свое призваніе, которыя являются наилучшимъ залогомъ успѣха въ дѣятельности народнаго учителя. По инициативѣ того же директора состоялось, насколько извѣстно, въ 1885 году закрытіе житомирскаго учительскаго института ²⁾. Единственнымъ рассадникомъ еврейскихъ начальныхъ учителей на *четыре* (если

¹⁾ „Разсвѣтъ“ 1880 № 26, ср. также „Н. X. В.“ 1883, № № 25, 38; 1884, № 9.

²⁾ „Нед. Хрон. Восх.“ 1886, № 1 (статья В—ка и Колябри).

не болѣе) милліона еврейскаго населенія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія былъ виленскій учительскій институтъ. То, что проникло въ печать и публику объ этомъ заведеніи, свидѣтельствуешь, что въ общемъ постановка дѣла въ немъ немногимъ отличалась отъ существующаго у насъ въ Россіи типа учительскихъ институтовъ. Виленскій институтъ продолжалъ выпускать ежегодно по десятку дѣльныхъ преподавателей русской грамоты и ариеметики, но по прежнему упускалось изъ виду преимущественное назначеніе такого учрежденія, а именно подготовленіе учителей, свѣдущихъ въ *еврейской письменности и преподаваніи*. Забывалось, что лишь при такомъ условіи они будутъ авторитетны въ глазахъ населенія, только тогда они сами съумѣютъ проникнуться сознаніемъ важности лежащей на нихъ задачи — просвѣщать еврейскую массу на почвѣ ея же традиціонныхъ воззрѣній и религіозно-литературныхъ памятниковъ, способствуя вмѣстѣ съ тѣмъ очищенію этихъ воззрѣній, преобразованію быта еврейской массы. Осуществленіе такой задачи, очевидно, станетъ возможнымъ только тогда, когда на эту сторону дѣла будетъ обращено надлежащее вниманіе, когда во главѣ института будетъ поставлено лицо, вполне свѣдущее въ еврейскихъ предметахъ, и когда предметамъ этимъ въ институтѣ отведено будетъ то мѣсто, какого они по существу основныхъ задачъ его заслуживаютъ. Указаннымъ кореннымъ недостаткомъ института слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что число воспитанниковъ, поступавшихъ въ институтъ сверхъ установленнаго комплекта ¹⁾, во все время его существованія было такъ незначительно. Ни еврейскія общества, ни частныя лица не проявляли желанія содержать тамъ (по примѣру того, какъ это замѣчалось за-границею) на свой счетъ стипендіатовъ, на что, какъ видно изъ текста Положенія 1873 года ²⁾ рассчитывали его составители. За все время дѣятельности институтовъ не замѣчалось также серьезнаго движенія впередъ и въ постановкѣ общихъ и вспомогательныхъ предметовъ: нѣтъ свѣдѣній, напр., чтобы въ институтахъ этихъ заходила рѣчь о

¹⁾ На 80 человекъ.

²⁾ Положеніе о евр. учит. институтахъ, ст. 8 и прим.

преподаваніи въ болѣе обширномъ объемѣ училищевѣдѣнія, объ усиленіи знаній по гигиенѣ, о введеніи ручного труда и т. п.—хотя важность этихъ предметовъ для будущихъ преподавателей и руководителей *еврейскихъ* школъ едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Воздѣйствіе учебнаго вѣдомства на развитіе начальнаго образованія среди евреевъ проявилась, далѣе, въ отношеніи къ *частнымъ* (съ официальной точки зрѣнія) еврейскимъ учебнымъ заведеніямъ: хедерамъ, талмудъ-торахъ, частнымъ училищамъ (въ тѣсномъ смыслѣ) и училищамъ благотворительныхъ обществъ ¹).

Наиболѣе благотворнымъ это воздѣйствіе оказалось для давно нуждавшихся въ преобразованіи талмудъ-торъ. По настоянію представителей учебнаго вѣдомства (директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ), цѣлый рядъ жалкихъ, убогихъ заведеній этого рода былъ въ послѣднія 20 лѣтъ преобразованъ въ правильно функционирующія школы. Благодаря этому надзору и контролю, преподаваніе въ талмудъ-торахъ общихъ предметовъ становится обязательнымъ; мѣняется внѣшняя обстановка, водворяются классные столы и скамьи, приглашаются болѣе интеллигентные учителя; въ званіи завѣдующихъ талмудъ-торами стали утверждаться только лица со среднимъ или высшимъ образованіемъ ²).

Преобразование талмудъ-торъ, сопровождавшееся обыкновенно удаленіемъ нѣсколькихъ старомодныхъ меламдовъ, сокращеніемъ курса еврейскихъ предметовъ и измѣненіемъ фактического состава попечительныхъ совѣтовъ, не обходилось обыкновенно безъ борьбы и протеста со стороны приверженцевъ стараго

¹) Мы не упоминаемъ отдѣльно объ ешиботахъ, такъ какъ большинство заведеній, существующихъ подъ этимъ названіемъ, немногимъ разнятся по типу своему отъ талмудъ-торъ. Немногіе же ешиботы, въ которыхъ дѣйствительно кругъ преподаваемыхъ богословскихъ предметовъ (и въ частности—талмудической письменности) болѣе или менѣе значителенъ, выходятъ изъ рамокъ изслѣдованія о *начальномъ* образованіи.

²) Большею частью такими завѣдующими были назначены окончившіе курсъ раввинскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ, и сравнительно немного лицъ, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости или университетскій дипломъ и сдавшихъ экзаменъ на званіе домашняго учителя.

режима. Новяное преимущество новыхъ порядковъ предъ старыми, наряду съ опасеніями нежданнаго визита со стороны инспектора училищъ, мало по малу примиряло строптивыхъ съ этимъ нововведеніемъ. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ нерѣдки уже случаи, когда еврейскія общества сами хлопочуть о легализированіи ихъ талмудъ-торъ съ введеніемъ русскаго языка, съ передачею завѣдыванія учебно-воспитательною частью въ болѣе интеллигентныя руки и т. д. Изъ большинства преобразовавшихся или вновь возникшихъ въ рассматриваемое время талмудъ-торъ выработался типъ элементарныхъ школъ, преимущественно для бѣдныхъ дѣтей, отличающихся отъ казенныхъ начальныхъ училищъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) *общественною* организаціею завѣдыванія ими (изъ среды еврейскаго общества избирается для сей цѣли спеціальныи попечительныи совѣтъ); 2) обязательно и обыкновенно болѣе обширною программю *еврейскихъ предметовъ*. И то, и другое обстоятельство—въ связи съ традиціоннымъ значеніемъ «талмудъ-торы» какъ религіознаго учрежденія для обученія бѣдныхъ дѣтей закону вѣры,—дѣлають этотъ типъ заведеній, съ одной стороны, болѣе популярнымъ среди еврейскаго населенія, съ другой, болѣе отзывчивымъ на современныя требованія и нужды еврейской жизни. Измѣненія въ характерѣ талмудъ-торъ произошли не сразу. Бывали случаи (и въ самомъ недалекомъ прошломъ), что въ талмудъ-торахъ мѣнялись порядки только на бумагѣ, а въ дѣйствительности царила та же схоластика, тѣ же рутинеры-меламды. На пребываніе послѣднихъ въ талмудъ-торѣ представители учебнаго вѣдомства нѣкоторое время смотрѣли сквозъ пальцы, преимущественно изъ соображеній челоуѣколюбія: жаль было бросить на произволъ судьбы злополучныхъ неудачниковъ, пріютившихся въ благотворительныхъ школахъ за ничтожное вознагражденіе и, повидимому, ни къ чему другому неспособныхъ. Съ изданіемъ закона 1 марта 1893 о хедерахъ, представляющаго, какъ мы увидимъ ниже, цѣлый рядъ льготъ меламдамъ, какъ преподавателямъ въ *частныхъ* школахъ, дѣло мѣняется: тѣ же представители учебнаго вѣдомства по отношенію къ *общественной* школѣ стали твердо проводить тотъ взглядъ, что въ этихъ послѣднихъ для меламдовъ не мо-

жать быть мѣста, и, держась буквы закона, энергично настаивали на ихъ удаленіи. Со стороны ортодоксальной части евреевъ было подано нѣсколько ходатайствъ о распространеніи закона 1893 года и на талмудъ-торы, т. е. одопущеніи въ талмудъ-торахъ преподаванія еврейскихъ предметовъ на жаргонѣ лицами безъ образовательнаго ценза, но имѣющими званіе меламда. Ходатайства эти восходили до министерства народн. просвѣщенія, но оставлены были безъ послѣдствій¹⁾. Распоряженіе министерства было привѣтствовано печатью, какъ мѣра, обезпечивающая правильное развитіе этого типа школы въ желательномъ направленіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что замѣщеніе освобождающихся вакансій будетъ крайне затруднительно, такъ какъ нѣтъ достаточно подготовленныхъ по еврейскому богословію учителей, которые могли бы съ успѣхомъ замѣнить меламдовъ²⁾.

Въ связи съ вопросомъ о постепенной замѣнѣ отживающаго типа меламдовъ болѣе просвѣщенными и умѣлыми преподавателями стоялъ и вопросъ о регулированіи всей вообще системы *хедернаго* воспитанія. Какъ указано было выше, въ 1859 году установленъ былъ предѣльный срокъ, послѣ котораго домашними еврейскими учителями могли быть только лица съ общеобразовательнымъ цензомъ. Наступилъ роковой 1875 годъ. Желательнаго контингента учителей, удовлетворяющихъ требованіямъ образовательнаго ценза и готовыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ идти въ народные учителя, довольствуясь грошевымъ заработкомъ меламда, на лицо не было. Ничего не оставалось, какъ продлить существующій порядокъ вещей сначала на годъ—другой³⁾, а затѣмъ (въ 1879 г.) «безъ означенія особаго срока», «впредь до окончанія дѣла въ госуд. совѣтѣ и изданія новаго закона о евреяхъ, занимающихся преподаваніемъ еврейскаго вѣроученія»⁴⁾. Тѣмъ временемъ жизнь шла впередъ: грамотность среди евреевъ усиливалась, возросло число училищъ съ общеобразовательными предметами и лучшею системой препо-

¹⁾ Циркуляры по ви. учебн. окр. за 1894 годъ; *И. Катан.* Новый законъ о меламдахъ, СПб. 1894, стр. 17—18.

²⁾ „Н. X. В.“ 1994 № 18.

³⁾ Собр. узак. и распор. 1875 г. № 97; 1877, № 46; 1878, № 95.

⁴⁾ Собр. узак. и расп. 1879 № 56 (ст. 261).

даванія еврейскихъ предметовъ, ослабѣла въ значительной степени обособленность русскихъ евреевъ, мѣнялись и религіозныя потребности,—а хедеръ оставался все тѣмъ же. Были, правда, отдѣльныя попытки (особенно на югѣ) ввести въ хедеръ русскій языкъ, были даже у нѣкоторыхъ меламдовъ поповновенія преподавать еврейскую грамоту по новѣйшимъ методамъ,—но все это было разрозненно и случайно. И среди десятковъ тысячъ хедеровъ, которыми кишитъ западная окраина, такихъ сравнительно организованныхъ и благоустроенныхъ къ началу 80-хъ годовъ насчитывалась едва сотня другая. Не удовлетворительность хедерной системы обученія вызывала противъ себя все чаще и чаще нареканія какъ въ органахъ интеллигентной части еврейскаго общества: «Разсвѣтъ», «Восходъ» и даже въ сравнительно болѣе умѣренномъ «Русскомъ Евреѣ», такъ и въ официальныхъ органахъ министерства ¹⁾. Раздавались даже голоса о желательности полного упраздненія хедеровъ ²⁾. Указывалось, что хедерное воспитаніе большинства еврейскаго населенія является однимъ изъ главныхъ тормозовъ въ улучшеніи быта евреевъ и сближеніи ихъ съ окружающимъ населеніемъ. Заговорили о необходимости серьезнаго преобразованія этого своеобразнаго учрежденія, о повышеніи ценза для меламдовъ, о желательности увеличить число дешевыхъ, общедоступныхъ школъ и снабженія ихъ хорошими учителями съ цѣлію постепеннаго вытѣсненія меламдовъ ³⁾. И вдругъ—послѣ всѣхъ этихъ толковъ—весною 1893 года опубликованъ былъ законъ ⁴⁾, въ силу котораго «лицу, желающему получить свидѣтельство на званіе меламда, никакого испытанія не производится» (п. 3), никакихъ гарантій, кромѣ обычныхъ формальныхъ документовъ, никакого ценза, никакой программы не требуется. Для всесторонней оцѣнки этого закона,

¹⁾ П. Шебальскій, о вѣроисповѣдныхъ еврейскихъ школахъ Сувальской губерніи, Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, кн. 9, стр. 95.

²⁾ „Восходъ“ 1885, кн. 7 (ст. Д. С.).

³⁾ Слухи о томъ, что подобныя воззрѣнія преобладаютъ и въ учебномъ вѣдомствѣ, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ появлялись періодически во всѣхъ столичныхъ газетахъ.

⁴⁾ Собр. узав. и распор. правт. 1893 № 54: Высоч. утв. мнѣніе госуд. совѣта 1 марта 1893 г.

созданнаго, очевидно, подъ вліяніемъ ходатайствъ, поступившихъ отъ представителей ортодоксальныхъ евреевъ,—еще не настало время. Но одно несомнѣнно: въ поступательномъ ходѣ мѣръ по развитію образованія среди русскихъ евреевъ новыя правила о меламдахъ были серьезнымъ шагомъ назадъ, и среди образованной части русскихъ евреевъ высказывалось не мало смутныхъ опасеній по поводу новыхъ прерогативъ, предоставленныхъ хедеру ¹⁾). Дальнѣйшія мѣтропріятія и разъясненія учебнаго вѣдомства показали однако, что министерство отнюдь не имѣетъ въ виду поощрять хедеръ въ томъ безпорядочномъ видѣ, о какомъ мы говорили выше. Уже въ «Правилахъ о порядкѣ примѣненія закона 1 марта 1893 года» (утвержд. министромъ народн. просвѣщ. 5 сентября того же года) приведенъ былъ рядъ серьезныхъ требованій относительно *помѣщенія* хедера (ст. 15—17), *времени занятій* (ст. 21) и даже *предусмотрѣно наблюденіе за преподаваніемъ* со стороны, какъ представителей дирекціи народныхъ училищъ, такъ и раввиновъ (ст. 22—23, 25). Въ началѣ 1895 года министерство пошло еще дальше, подтвердивъ, въ предложеніи на имя виленскаго попечителя, что правила о внѣшней обстановкѣ хедера должны соблюдаться съ полною строгостью, что хедеръ предназначается преимущественно для *начальнаго* обученія евреевъ, и что чтеніе новѣйшихъ авторовъ и изученіе Талмуда должно быть исключено изъ курса хедера. Но это было уже слишкомъ: запрещеніе изучать Талмудъ являлось въ извѣстной мѣрѣ посягательствомъ на одну изъ основъ еврейскаго вѣроученія. Само министерство, по всестороннемъ изслѣдованіи вопроса, пришло къ такому же заключенію и недавно отмѣнило свое распоряженіе въ части, касающейся Талмуда. Косвеннымъ указаніемъ на то, что учебное вѣдомство отнюдь не имѣло въ виду предоставить хедеръ на произволъ судьбы, и что высказывавшіяся по этому поводу опасенія были преждевременны, можно признать также тотъ фактъ, что на практикѣ далеко

¹⁾ „Восходъ“ 1894, кн. 1 (ст. М. П.), стр. 46—47; „Н. X. В.“ 1893, № 18, 48, 40.

²⁾ „Правительст. Вѣстникъ“ 1893 года отъ 11 сентября; помѣщ. также въ брошюрѣ И. Когана: Новый законъ о меламдахъ, Вильна 1894.

не всѣмъ лицамъ, выступавшимъ кандидатами въ меламды, мѣстная учебная администрація разрѣшала въ послѣдніе годы открывать хедеръ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ администрація даже прямо противодѣйствовала размноженію числа хедеровъ.

Въ противовѣсъ хедерамъ, учебное вѣдомство по прежнему покровительствовало благоустроеннымъ частнымъ училищамъ. Въ обзорѣваемое время число этихъ послѣднихъ возрасло съ 40 до 110. Особенно быстро увеличивалось число женскихъ училищъ. Покровительство учебнаго вѣдомства этому типу школы выражалось какъ въ содѣйствіи при самомъ открытіи частныхъ школъ, такъ и въ благопріятныхъ отзывахъ о нихъ при упоминаніи о еврейскихъ школахъ въ отчетахъ по округу, при заключеніи о выдачѣ имъ пособія изъ карбонныхъ и свѣчныхъ суммъ или другихъ источниковъ ¹⁾.

Но наиболѣе важнымъ факторомъ въ развитіи частныхъ еврейскихъ училищъ за послѣднія 20 лѣтъ было не воздѣйствіе учебнаго начальства, а личный составъ ихъ учредителей и особенно учредительницъ. Большинство этихъ послѣднихъ посвящало себя школѣ не случайно, а исходя изъ искренняго желанія послужить образованію родной еврейской массы. Съ учрежденіемъ высшихъ женскихъ курсовъ, ряды содержательницъ и преподавательницъ женскихъ еврейскихъ училищъ стали заполняться молодыми дѣвушками, окончившими эти курсы. Болѣе широкое образованіе, пребываніе въ столицѣ, большій жизненный опытъ и энергія этихъ дѣвушекъ вляли извѣстный отпечатокъ на всю ихъ дѣятельность. Въ большинствѣ еврейскихъ обществъ молодыя просвѣтительницы, начавшія порою свое дѣло при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и полномъ недовѣрїи населенія, успѣвали, спустя короткое время заслужить своею беззавѣтною преданностью школѣ общія симпатїи. Были и ~~такіе~~ таіе: въ мѣстечкахъ Волынской и Кіевской губ., какъ видно изъ попадавшихъ на столбцы періодическихъ изданій писемъ, устраивались даже открытыя демонстраціи

¹⁾ Немало подобныхъ отзывовъ различныхъ представителей учебнаго вѣдомства о частныхъ школахъ имѣется и въ архивѣ Общества распрощ. просвѣщ. и. е.

противъ новыхъ учительницъ, имъ разбивали стекла, ихъ встрѣчали насмѣшками и т. п. Сильныя духомъ, эти скромныя просвѣтительницы не всегда оказывались достаточно сильны тѣломъ и крѣпки здоровьемъ. Сравнительно недавно въ газетахъ сообщалось о кончинѣ одной изъ такихъ труженицъ въ м. Ржищевѣ Кіев. губ. отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ ¹⁾).

Въ частныхъ женскихъ училищахъ, въ большинствѣ случаевъ, введены были еврейскіе предметы, но какъ видно изъ проникавшихъ въ печать извѣстій, постановка этихъ предметовъ составляла наиболѣе слабую сторону этихъ школъ. Сравнительно удачнѣе былъ опытъ нѣсколькихъ частныхъ мужскихъ училищъ, гдѣ еврейскіе предметы стали преподаваться почти въ такомъ же объемѣ какъ въ хедерѣ и талмудъ-торѣ, но по болѣе раціональному способу, съ меньшею затратою труда. Эти частныя училища явились главными потребителями новыхъ раціональных учебниковъ по еврейскому языку (Вольпера, Клячко и др.), сокращенныхъ курсовъ вѣроученія и исторіи. Преподавателями выступали здѣсь или болѣе интеллигентные, грамотные меламды, или тѣ немногіе питомцы раввинскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ, которые вынесли оттуда наряду съ познаніями въ общихъ предметахъ и нѣкоторыя богословскія свѣдѣнія.

Недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ по еврейскимъ предметамъ давалъ себя однако болѣе всего чувствовать именно въ частной школѣ. Интересные въ этомъ отношеніи

¹⁾ Рѣчь идетъ о Софьѣ Борисовнѣ Рапопортъ, умершей 8 декабря 1894. „Воспитанная въ Полтавѣ въ довольствѣ и роскоши—писали о ней—она не побоялась тяжелыхъ условій жизни въ одномъ изъ самыхъ глухихъ мѣстечекъ черты осѣдлости. Въ апрѣлѣ 1892 года она открыла въ Ржищевѣ училище для дѣвочекъ... Замѣчательная преданность дѣлу, страстная жажда знанія и постоянная работа надъ своимъ самосовершенствованіемъ всецѣло передавались отъ молодой учительницы къ дѣтямъ.. Ее приходилось удерживать отъ непосильныхъ занятій. Хрупкій организмъ Софьи Борисовны началъ распатываться уже послѣ 1½—2-хъ лѣтъ непосильнаго труда.. Ее отвезли въ Кременчугъ гдѣ она и скончалась вдали отъ того, чѣмъ жила и дышала столько времени,—но память о ней—заключаетъ авторъ—не умереть, пока будутъ живы тѣ, въ жертву которымъ она такъ самоотверженно принесла свою молодую жизнь“. („Н. Х. В.“ 1896, № 1—2).

матеріалы хранятся въ архивѣ петербургскаго Общества распростр. просвѣщ. и. е. Когда комитетъ Общества еще въ срединѣ 60-хъ годовъ впервые обратился къ провинціальнымъ своимъ сотрудникамъ съ просьбою сообщить ему свѣдѣнія и указанія по вопросу о лучшей постановкѣ среди русскихъ евреевъ начальнаго образованія и возможности учрежденія новыхъ частныхъ школъ, большинство корреспондентовъ, — какъ видно изъ «Историч. очерка дѣятельности общества ¹⁾» — настаивало на необходимости имѣть *основательно подготовленныхъ учителей по еврейскимъ предметамъ*. Тридцать лѣтъ спустя комитетъ (въ 1894 году), вновь обратился съ запросами къ провинціальнымъ педагогамъ; многіе изъ нихъ, преимущественно изъ числа содержателей и содержательницъ частныхъ еврейскихъ училищъ, отвѣтили жалобами на крайнюю неудовлетворительность контингента еврейскихъ учителей. Въ связи съ недостаткомъ хорошихъ учителей, одни жаловались на крайнюю неопредѣленность программы еврейскихъ предметовъ, на неустановившіеся еще методы преподаванія; другіе выставляли на видъ, что среди родителей даже бѣдныхъ воспитанниковъ запросы на преподаваніе еврейскихъ предметовъ становятся шире и осмысленнѣе; что родители слѣдятъ за тѣмъ, *какъ и что* усваивается дѣтьми въ школѣ по еврейскому вѣроученію, языку и исторіи. И по признанію болѣе откровенныхъ педагоговъ, школа (даже частная т. е. менѣе стѣсненная въ отношеніи программы и преподавателей) далеко не въ состояніи удовлетворить этимъ запросамъ.

Наряду съ возраставшею среди еврейской массы потребностью въ упорядоченіи религіознаго обученія, измѣнившіяся условія жизни русскихъ евреевъ ставили еврейской школѣ рядъ новыхъ задачъ. Какъ извѣстно, постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе путей сообщенія, прогрессъ промышленности произвели цѣлый переворотъ въ экономическомъ положеніи евреевъ. Многочисленный классъ мелкихъ посредниковъ становился излишнимъ, участіе въ торговлѣ и промышленности крупныхъ центровъ требовали болѣе всесторонняго развитія,

¹⁾ תולדות חברה כרבי השכלה בישראל, Спб. 1890, т. II, стр. 7-8, 22-24, 76 и слѣд.

болѣе значительныхъ общеобразовательныхъ знаній. Ремесленная промышленность евреевъ также отстала, и привозныя издѣлія иногороднихъ мастеровъ сокращали заработокъ евреевъ-ремесленниковъ до минимума. Часть евреевъ желала обратиться къ земледѣльческому промыслу, но и въ этомъ отношеніи встрѣчала препятствія вслѣдствіе своей неподготовленности къ труду. Такимъ образомъ, самую жизнь выдвигался какъ вопросъ о введеніи въ систему элементарнаго обученія *прикладныхъ знаній* для подготовленія болѣе искусныхъ мастеровъ, техниковъ и сельскихъ хозяевъ, такъ и вопросъ объ усиленіи въ начальной еврейской школѣ общеобразовательнаго элемента.

Для удовлетворенія первой изъ указанныхъ потребностей, общественная инициатива лучшей части русскихъ евреевъ вызвала къ жизни рядъ ремесленныхъ школъ. Въ 1880 году возникло даже специальное общество, поставившее себѣ цѣлю: оказывать «содѣйствіе открытію новыхъ ремесленныхъ училищъ, вспомоществованіе существующимъ ремесленнымъ училищамъ, основаніе земледѣльческихъ школъ, учебныхъ фермъ» и пр. Это такъ наз. комитетъ по образованію Общества ремесленнаго земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи. Въ теченіе 15 лѣтняго существованія этого комитета при его содѣйствіи учреждены было 3 ремесленныхъ училища (въ Двинскѣ, Вильнѣ и Минскѣ). 1 учебная мастерская (въ Б. Токмакѣ), около 15-ти ремесленныхъ отдѣленій при существующихъ мужскихъ училищахъ (въ Бердичевѣ, Борисовѣ, Вильнѣ, Дубровнѣ, Молодечнѣ, Оршѣ, Острогѣ, Симферополѣ, Тельшахъ и др.) и около 20 руководѣльныхъ классовъ при женскихъ училищахъ (въ Бобруйскѣ, Винницѣ, Вильнѣ, Воложинѣ, Диснѣ, Кишиневѣ, Кременцѣ, Малятахъ, Оршѣ, Ошмянахъ, Ровнѣ, Семятичахъ, Соколкѣ, Юрьевѣ и др.), нѣсколько школьныхъ садовъ и земледѣльческая ферма. Инициаторами этихъ профессиональныхъ школъ являлись обыкновенно мѣстные жители, на средства которыхъ, при содѣйствіи Временнаго Комитета, устраивались и содержались упомянутыя заведенія.

Интересъ къ профессиональному образованію до того усилился въ послѣднее время среди еврейскаго населенія, что открытіе при существующей талмудъ-торѣ или начальномъ

училищъ ремесленныхъ классовъ составляетъ,—судя по получаемымъ изъ провинціи свѣдѣніямъ—завѣтную мечту обывателей каждаго города и мѣстечка. Учебное начальство въ большинствѣ случаевъ встрѣчало сочувственно подобныя ходатайства евреевъ и даже поддерживало ихъ просьбы объ отпускѣ на указанную цѣль суммъ коробочнаго сбора. Единственнымъ исключеніемъ явилось закрытіе житомирскаго ремесленнаго училища, послѣдовавшее въ 1884 году. Странны были и выставленные въ пользу этой мѣры мотивы: указывалось, что «такъ какъ въ городахъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края евреи доставляютъ большинство ремесленныхъ рукъ и этимъ мѣшаютъ развитію ремесленнаго труда среди кореннаго населенія края, эксплуатируемаго ими, то специально-еврейское ремесленное училище, при отсутствіи подобныхъ училищъ среди христіанъ, является лишнимъ орудіемъ въ рукахъ евреевъ для эксплуатаціи кореннаго населенія». Установленіе подобнаго взгляда, идущаго въ разрѣзъ съ основными положеніями правильной экономической политики, затормозило на нѣкоторое время возникновеніе новыхъ расадниковъ профессиональнаго образованія. Но разъ сказавшаяся потребность не могла быть заглушена, и къ концу 80-хъ годовъ настойчивыя ходатайства нѣсколькихъ еврейскихъ обществъ объ открытіи у нихъ ремесленныхъ классовъ снова стали удовлетворяться. Въ 1891 году, по инициативѣ одесскихъ общественныхъ дѣятелей съ М. Г. Моргулисомъ во главѣ, открыта была первая еврейская земледѣльческая ферма, въ Одессѣ; въ 1893 году положено было начало земледѣльческой фермѣ въ Могилевѣ-губернскомъ. Съ начала 90-хъ же годовъ при талмудъ-торахъ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдлости стали устраиваться школьные огороды. Всего такихъ огородовъ къ срединѣ 1895-го года насчитывалось около 10 (въ Жорецѣ, Бендерахъ, Полтавѣ, Свенцѣнахъ, Херсонѣ, нѣсколько въ Одессѣ и др.). Постепенно еврейская талмудъ-тора, воспитывающая въ своихъ стѣнахъ наиболѣе бѣдные слои еврейскаго населенія, стала вообще принимать характеръ *профессиональной школы*. Вышедшее изъ рядовъ пролетаріата юношество, вступая въ такую школу, наряду съ общими познаніями, получило возможность въ этой самой школѣ специально подготовиться къ

будущей профессиональной дѣятельности. Въ лучшихъ школахъ стали также удѣлять вниманіе *физическому* воспитанію хилаго, нануреннаго ненормальными условіями жизни молодаго поколѣнія русскихъ евреевъ. Болѣе равномерное распредѣленіе учебныхъ занятій, организація врачебнаго надзора (обыкновенно добровольнаго), введеніе гимнастики, подвижныхъ игръ, ручного труда, устройство лѣтнихъ колоній,—все это, по словамъ отчетовъ, оказывало на физическое развитіе дѣтей самое благотворное дѣйствіе. Но большинство перечисленныхъ нововведеній въ началѣ 90-хъ годовъ составляло только достояніе немногихъ образцовыхъ училищъ (преимущественно въ Одессѣ) и о сочувствіи этимъ мѣрамъ можно судить лишь потому, какъ указанныя новшества встрѣчены были въ печати. Послѣдняя, повидимому, особенно много ждала отъ введенія *обученія въ школахъ основамъ наиболее употребительныхъ ремеселъ*—ручного труда ¹⁾ и *занятій по садоводству и огородничеству* (школьные сады ²⁾). И то, и другое собственно составляетъ только *вспомогательный* элементъ въ общей системѣ обученія. Сочувствіе съ какимъ встрѣчены были эти нововведенія, указываетъ, что они болѣе, чѣмъ что-либо другое, шли на встрѣчу соврѣвающему въ еврейскомъ обществѣ стремленію *освѣжить* существующую систему воспитанія и болѣе приноровить школу къ потребностямъ ея юныхъ питомцевъ. Отъ этихъ занятій по ручному труду и работъ въ огородахъ ждали благотворныхъ результатовъ не только въ смыслѣ физическаго укрѣпленія учащихся: ждали, что разнообразіе занятій и близкое общеніе съ явленіями окружающаго міра должны развить въ еврейскихъ дѣтяхъ интересъ къ труду и могутъ способствовать болѣе сознательному выбору ими профессіи, наконецъ, что такія занятія вообще будутъ *противовѣсомъ* тому одностороннему направленію ума, которое развивается у еврейскихъ дѣтей подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ причинъ и въ частности хедернаго воспитанія.

Вопросъ о борьбѣ съ одностороннимъ умственнымъ развитіемъ еврейскихъ дѣтей имѣетъ также свою исторію. Онъ высту-

¹⁾ Нед. Хрон. Восх. 1892, № 12, 13.

²⁾ Н. Х. В. 1892, 11, 17 (ст. А. Зусмана), ср. также 1893, 10, 16; 1894, 2.

пиль на сцену съ того времени, какъ стала проповѣдываться мысль о необходимости приобщить еврейскую массу къ общей культурѣ. На Западѣ объ этомъ писали Мендельсонъ и его друзья; у насъ—министръ Уваровъ, д-ръ Лиліенталь, современный имъ еврейскій писатель И. Б. Левинзонъ и др., а въ новѣйшее время тема эта была на устахъ у всѣхъ, кому только приходилось дѣйствовать на поприщѣ образованія евреевъ или писать по вопросамъ еврейской педагогій. Съ этою цѣлью въ жизни, школахъ и печати выдвигался рядъ вопросовъ: о лучшихъ способахъ преподаванія въ еврейской школѣ русскаго языка, ¹⁾ объ усиленіи нагляднаго элемента въ обученіи, о расширеніи знаній воспитанниковъ объ окружающей природѣ, о введеніи бесѣдъ по гигиенѣ. Не мало говорилось о внесеніи болѣе сознательнаго элемента въ усвоеніи еврейскаго вѣроученія и исторіи, ²⁾ о правильной постановкѣ дисциплины и приноровленіи ея къ особенностямъ еврейскихъ дѣтей и религиознымъ обрядамъ, о специальныхъ учебникахъ для еврейскихъ школъ ³⁾ и т. д. Многіе изъ намѣченныхъ вопросовъ въ продолженіи обозрѣваемаго времени не получили еще удовлетворительнаго разрѣшенія, но попытки въ этомъ направленіи, — по скольку можно судить на основаніи какъ частныхъ, такъ и официальныхъ отзывовъ,—сдѣланы были во многихъ мѣстахъ, особенно въ болѣе крупныхъ центрахъ: Вильнѣ, Одессѣ, С.-Петербургѣ и др.

Но впереди всѣхъ этихъ многочисленныхъ специальныхъ вопросовъ еврейской школы и ея частнаго усовершенствованія, стоялъ по прежнему кардинальный вопросъ *объ увеличеніи самаго числа организованныхъ еврейскихъ школъ*. Въ нѣсколькихъ сотняхъ начальныхъ училищъ разныхъ типовъ къ срединѣ 90-хъ годовъ воспитывалась незначительная часть еврейскихъ дѣтей

¹⁾ Учитель 1862, №№ 11, 12, (ст. А. Эка); Разсвѣтъ 1881, 7 (ст. Бенъ-Ами); Восходъ. 1892, кн. 4 (ст. А. П. Налимова: Русскій языкъ въ еврейской школѣ).

²⁾ К. Берманъ, О преподаваніи вѣроученія въ евр. начальныхъ школахъ. Н. Х. В. 1893, 51—52, *И. Л. Б-ый*, Препод. библіи и талмуда по рус. аз. Н. Х. В. 1893, 40, 41, 42; ср. Н. Х. В. 1894 40.

³⁾ Отчетъ О. Р. П. м. в. за 1889, СПб. 1890 (о преміяхъ за лучшіе учебники), ср. также Отчетъ за 1893 годъ СПб. 1894 (докладъ д-ра Л. С. Кадельсона); Рус. Евр. 1883, 38 (ст. И. Кагана).

школьного возраста; большинство же, подавляющее большинство дѣтей росло среди невѣжества и предрассудковъ, оставаясь внѣ вліянія школы и внѣ всякаго общаго образованія.

Интересно, что во второй половинѣ 80-хъ годовъ среди нѣкоторыхъ круговъ интеллигентныхъ евреевъ были еще сомнѣнія относительно того, призвана ли именно организованная еврейская школа осуществить по отношенію къ еврейской массѣ эту главную просвѣтительную задачу. Задумывались еще надъ тѣмъ, не лучше ли предоставить эту роль традиціонному хедеру или общей начальной школѣ? Такъ, часть приглашенныхъ въ Паленскую комиссію изъ среды евреевъ экспертовъ, насколько извѣстно, высказалась за полное сохраненіе хедера.¹⁾ Другіе впали въ противоположную крайность и требовали его немедленнаго упраздненія. Лишь немногіе указали на наиболѣе правильный путь—постепенной замѣны хедера правильною начальною школою, примыкая къ возврѣніямъ, высказывавшимся и въ печати. Здѣсь проводилась мысль, что въ организованной школѣ должны быть достаточно широко поставлены предметы, привлекающіе еврейскихъ дѣтей въ хедеръ, т. е. предметы еврейскаго вѣроученія, что этой школѣ слѣдуетъ дать по возможности профессиональный характеръ, и что она должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоять на уровнѣ современныхъ педагогическихъ требованій. Лишь при такихъ условіяхъ—доказывали сторонники этого возврѣнія—школа эта будетъ въ состояніи постепенно, безъ всякихъ репрессій противъ хедеровъ и ихъ содержателей, замѣнить современемъ этотъ своеобразный вѣковой институтъ. Лишь тогда она въ состояніи будетъ широко распространить русскую грамоту и общія знанія среди наименѣе культурныхъ слоевъ еврейскаго населенія.

Въ концѣ 1880-хъ и въ началѣ 1890-хъ годовъ, послѣ установленія процентныхъ нормъ для поступленія въ общія учебныя заведенія и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ общемъ положеніи евреевъ возврѣніе это становится еще болѣе господствующимъ. Въ этомъ смыслѣ начинаютъ громко высказываться лучшіе еврей-

¹⁾ Матеріалы, содержащія мнѣнія этихъ экспертовъ, къ сожалѣнію, не опубликованы. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ были въ нашемъ распоряженіи

скіе дѣятели. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, въ такомъ духѣ поданъ былъ докладъ болѣе просвѣщенными членами раввинской комиссіи. Въ этомъ же смыслѣ предъ большинствомъ администраторовъ высказались и состоящіе при нихъ ученые евреи. Наконецъ, въ этомъ направленіи, выработанномъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ еврейскаго школьнаго дѣла въ Россіи, дѣйствовали въ послѣдніе годы: Общество распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, его Одесское отдѣленіе и всѣ, кому дорого дѣло постепеннаго перевоспитанія русскихъ евреевъ и насажденія среди нихъ правильнаго начальнаго образованія.

Д. М. Брансонъ.

СПБ., сентябрь, 1895 г.

~~Cancelled~~

Acme
Boston, Mass., Inc.
350 S. ...
Boston, ...

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE

FEB 10 1994

795197

WIDENER
WIDENER

OCT 16 1994

SEP 14 1994
BOOK DUE

CANCELLED
BOOK DUE

WIDENER
CANCELLED

OCT 15 1994

OCT 16 1994

CANCELLED
BOOK DUE

